

The background of the cover is a painting of a monastery nestled in a mountainous landscape. A large waterfall cascades down the left side of the image. The monastery, with its white walls and multiple domes, is situated on a rocky outcrop in the center-right. The overall color palette is dominated by cool blues and greens, with a hazy, atmospheric quality.

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Павел АМНУЭЛЬ

МОНАСТЫРЬ

Иерусалим
2011

Павел Амнуэль

Монастырь (сборник)

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4570301

Аннотация

Как устроен мир, и кто мы в этом мире? Сколько жизней проживает человек? Живем мы в единственной Вселенной или в множестве миров?

На эти и многие другие вопросы, связанные с нашим бытием, пытаются ответить персонажи произведений Павла Амнуэля. Аббад в «Монастыре» жертвует любовью и жизнью, чтобы понять себя и мир, созданный его подсознанием. Хьюго («Библиотекарь») получает Книгу, в которой даны ответы на все загадки мироздания, но как прочитать эти таинственные знаки? Герой «Исповеди» проходит тринадцать кругов жизни, пытаясь понять смысл своего существования, а Леонид с Лаймой в «Клонах» спасают не только затерявшийся в космосе звездолет, но и – прежде всего – свою любовь, вспыхнувшую во множестве миров...

Что объединяет эти такие разные повести? Способность персонажей задавать себе самые сложные вопросы и желание ответить, решить, понять. Себя и мир, в котором мы живем.

Содержание

Монастырь	4
Библиотекарь	108
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Павел Амнуэль

Монастырь

Монастырь

За утесом начался подъем. Дорога, покрытая щебнем, превратилась в узкую, утопанную множеством ног тропу, петлявшую между деревьев, выбегавшую на край обрыва и опять скрывавшуюся в тени. Древняя традиция требовала, чтобы несколько последних миль паломник прошел пешком, не прибегая ни к помощи мысли, ни даже к простейшим способам извлечения пространства, без которых жить так же трудно, как дышать там, где нет воздуха. Все возможно, но для всякой возможности есть этический предел, и Аббад лишь мимолетно подумал о том, что мог бы уже сейчас стоять перед монахами и рассказывать о своем желании, а не тащиться вверх по крутому склону.

Поворот тропы вывел Аббада к обрыву, откуда открывался изумительный вид – над пейзажем работали не только сами монахи, но и паломники. Трудно сказать, кто больше приложил усилий, физических и умственных, но результат заставил Аббада остановиться, подойти к самому краю и заглянуть вниз. Там парила в воздухе и впитывала световую энергию плотная мысль, специально подвешенная кем-то из

паломников, чтобы изгнать из сознания страх и неуверенность. Ни страха, ни, тем более, неуверенности у Аббада не было, и он отогнал чужую мысль дальше от обрыва, тогда только и разглядев, что находится в глубине, и даль времен тоже только теперь оценив по достоинству.

На глаз глубина пропасти составляла мили три, а то и четыре. По времени судить было еще труднее; Аббад решил, что заглядывает циклов на триста, но мог ошибиться. Он не настолько хорошо знал историю, чтобы сказать – относится ли увиденная им на дне провала деревня к циклу Хасадея или, вполне может быть, к циклу Торента. Похожие красные крыши, и дороги тоже... а людей там, конечно, не было, с прошлым всегда так: жизнь можно увидеть лишь при сближении.

Он посмотрел в даль – зрелище могло, наверно, потрясти ребенка, не имевшего понятия о комплексной перспективе, Аббад же удовлетворенно кивнул: все было именно так, как он себе представлял, так, как описывала теория, да и могло ли быть иначе, чем это предписано физическими законами? Но как красиво! Аббад смотрел, как истончаются вдали линии рек и становятся плоскими уступы далеких гор. Перспектива сглаживала неровности, а дымка чужих мыслей, испарения чужих эмоций создавали мерцающую колышущуюся завесу, за которой туманно проступали контуры континента Ассонг, где Аббад был много раз, но никогда не думал, что земля эта может выглядеть так странно и незнакомо, ес-

ли смотреть на нее с противоположной стороны планеты.

Красиво, да. Очень. Стоять бы так и смотреть. И думать, направляя свою мысль поверх мерцающего занавеса, чтобы не смешивать собственные размышления с устоявшимся мнением большинства.

Надо идти, сказал он себе и вернулся на тропу.

Дальше стало хуже. Путь перегородил огромный валун, обойти который в трехмерии не было никакой возможности – пропасть слева, вертикальная стена справа. Задача для торопливого паломника: а ну как не хватит терпения, не захочется терять времени, или забудет человек, куда идет? Маловероятно, конечно, но не исключено, потому что поднимаются в Монастырь люди, сосредоточенные на невыполнимой идее.

– Ладно, раз так, – вслух произнес Аббад и ухватился обеими руками за острые выступающие грани. Подтянулся, почувствовал, как отозвалось тело. Стало легко, ноги оторвались от земли, на это монахи и рассчитывали: на автоматизм, на инстинкты. Нельзя. Аббад повторил себе «Нельзя!», и пальцы ощутили тяжесть тела. Аббад едва не упал, пришлось крепче вцепиться пальцами, содрать кожу на ладонях, почувствовать и загнать в подсознание боль, вонзить кончики пальцев в камень так, что посыпалась мелкая крошка, запылив глаза...

Аббад повис, перекинул правую руку выше, вцепился в неровность, воткнул в нее большой палец и перекинул вто-

рую руку. Он ощутил наверху движение и поздно понял, что камень расплывается, становится податливым, как глина, пальцы заскользили, пришлось погрузить руку по локоть, чтобы добраться до тверди. Как же теперь, что делать, невозможно...

Аббад уперся взглядом в серую поверхность, на которой появлялись трещины, сосредоточился, приказал камню застыть и едва успел выдернуть руку. Он повис на кончиках пальцев одной руки, будто прилип к стене, и действительно прилип – грудью, хламидой своей, из которой едва не выпал, но одежда не подвела, и сразу полегчало, а камень, конечно, отозвался, мысли хлынули сверху, подобно водопаду, Аббад задержал дыхание – он не хотел вдыхать чужие мысли, и без того силы на пределе, – подтянулся, и пальцы легли на горизонтальную поверхность, липкую и уступчивую. Тело нашло, наконец, с камнем общую идею, поднялось над ней, теперь уже и думать ни о чем не надо было: Аббад опустился на влажную поверхность и вскочил на ноги. Он стоял на камне, как на вершине горы: радость его была розовой, подобно облакам над Карадой, и поднималась прозрачным туманом. Валун уменьшался в размерах, и очень быстро Аббад встал на тропе, камень же оказался простым булыжником. Аббад ногой отшвырнул его в пропасть и пошел дальше, не оглядываясь.

Слишком легкой стала вдруг дорога, подъем прекратился, а за новым поворотом возникла равнина, поросшее высокой

травой поле, будто и не было крутой горы с воткнувшейся в небо вершиной. Аббад хотел заглянуть за близкий здесь горизонт, но взгляд ушел в пространство, потерявшее почему-то способность прогибаться.

Наверно, сейчас начнется самое трудное. Может быть, невозможное. Конечно, равнина – всего лишь передышка. Скоро... Что?

Из воздуха медленно возникал Монастырь. Он рождался из чьих-то фантазий, из долгих обсуждений и споров, из предвидений и недоговорок, уступок и разочарований, надежд и неосознанных желаний. Стены его, даже будучи пока всего лишь мысленными конструкциями, представлялись упрямыми, как характер самого Аббада, и его неудержимо притягивало к ним, как притягивает земля или чья-нибудь гениальная мысль, против которой невозможно устоять. Из шуршания множества идей возникла высокая стена, изгибавшаяся вверху так, что издали Монастырь был похож на изготовившийся к полету старинный воздушный корабль.

Монастырь встал, наконец, во всей своей красе, о которой Аббад был наслышан, но в его реальности оказался совсем не таким, каким его описывали. Не великий, но величественный. Не пугающий, но грозный. Не подавляющий, но внушающий трепет. Где-то Аббад уже видел нечто подобное, он мог бы даже вспомнить – где и когда, но не было у него сейчас желания копаться в памяти, хотя он и знал, как найти нужное воспоминание. Какая разница? Все равно, на

что бы он ни был похож внешне, Монастырь был один, других таких не существовало ни в Галактике, ни в других мирах по той простой причине, что законы физики не позволяли находиться в одном фазовом пространстве двум объектам с одинаковым полным набором квантовых чисел, включая и числа нематериальных измерений, которых в этом сооружении древности было, пожалуй (так казалось Аббаду), больше, чем материальных плит, сделанных из глины и камня. Материальное было в основании Монастыря, в его фундаменте, и стены внизу тоже выглядели материальными и устойчивыми к изменениям поля тяжести, но, чем выше поднимался взгляд Аббада, тем яснее юноша понимал, что там, в высоте, и стены, и площадки, и пилоны были слеплены не из обожженных звездным светом камней, а из мыслей создателей этого удивительного сооружения. А на самом верху, выше тех крыш, что мог обозреть Аббад, не вступая в противоречивые отношения с конструкторами замка, сияла, как голубая звезда, единственная идея, символ этого места, его название, его суть. Выразить эту идею словами Аббад не мог, слишком она была для него сложна и многогранна, а без слов, без собственной интерпретации, идея Монастыря так и осталась ярким, ослепляющим сознание, лучом, вдоль которого и нужно было идти, чтобы не попасть ни в звездный шторм, ни в запретные для человеческого воображения закоулки Галактики.

«Паломник, ты пришел.

Иди по лучу, и тебя встретит монах,
Тебя встретит монах, и ты получишь помощь,
Ты получишь помощь, если твоя мольба – о
невозможном.

Но если ты молишь о невозможном, зачем ты
нарушаешь покой Монастыря?»

Иди, сказал себе Аббад и сделал первый шаг к Монастырю. В стене на уровне вершины высокого дерева появилась дверь – простая, без замков, кодов, задвижек, материальных или мысленных. Дверь звала, и он вошел.

Подпрыгнув, он с удовольствием ощутил, что мышцы точно оценили высоту в этом измененном тяготении, поболтал в воздухе ногами (может, кто-то подставит опору, но нет, никто не собирался ему помогать) и, толкнув дверь, ввалился в широкий коридор. Дверь захлопнулась с тихим щелчком и произнесла равнодушно: «Обратной дороги нет».

– Знаю, – улыбнулся Аббад. Он и не собирался обратно.

– Знание не избавляет от необходимости познания, – назидательно сказала дверь и умолкла, показывая, что в дальнейшие пререкания вступать не намерена. Истина была азбучной, от двери в Монастырь Аббад ожидал более сложных и неожиданных умозаключений.

В коридоре было темно, и Аббад постоял минуту, дожидаясь, пока глаза привыкнут к инфракрасному диапазону. Проявился длинный и узкий – двоим не разойтись – проход, стены светились мрачно, а с потолка капала тяжелая

жидкость, растворявшаяся в воздухе: вопросы без ответов, обычная, как он слышал, игра для входивших. Отвечать было не обязательно, игры монахов забавляли, но не входили в непрременную программу. Аббад, однако, любил вопросы. Что могли спросить монахи, он себе представлял плохо и потому поймал в ладонь одну каплю, прежде чем она успела иссякнуть. Жидкость обожгла ладонь и впиталась в кожу так быстро, что Аббаду даже показалось, будто он не смог понять ее смысла, и как теперь разберешь – что твое, что чужое в смеси нового и старого, узнанного и еще не виденного? Впитавшись, капля повисла перед его глазами короткой жаркой пульсирующей в воздухе надписью: «Только прямо».

Это и не вопрос был вовсе, а указание пути. Похоже, монахи не собирались с ним играть – значит, отнеслись серьезно.

Что ж, прямо так прямо. Знать бы еще, имели монахи в виду лишь материальное направление, или прямого пути нужно было придерживаться и в духовных поисках.

Аббад сделал несколько шагов, вглядываясь в открывшуюся даль коридора. В бесконечности возник белый свет – тусклая точка, с каждым мгновением становившаяся ярче.

«Увидишь свет в конце тоннеля,

Увидишь смысл в конце пути»...

Аббад увидел свет, о котором говорили все, кому довелось не только войти в Монастырь, но и покинуть его. Смысл он знал – потому и пришел.

Бесконечность обернулась на деле сотней шагов, яркая точка обратилась в светящийся круг, и Аббад, даже при напряжении всей воли, не смог разглядеть, что находится там, за новой дверью. Как ее открыть, он не знал тоже. Положил ладонь в центр круга – ничего не произошло, но, может, ничего и не должно было измениться?

«Да», – сказал воздух.

«Что – да?» – озадаченно переспросил Аббад.

«Свет в конце тоннеля, – объяснил воздух. – Ты хочешь пройти, а не вернуться? Значит, да».

«Да», – сказал Аббад.

Свет пролился ему на плечи, оказавшись жидким, как вода в ручье, у света был приятный запах цветочного мыла, Аббад растер свет ладонями, одежда мешала, и он понял, что пора ее скинуть. Он облил себя светом, и балахон истаял. Истаял и висевший на поясе оптический нож – единственное оружие, которое Аббад взял с собой; пользоваться им он не собирался, но без него чувствовал себя наполовину голым.

Аббад оказался полностью обнажен – обнажено было тело, обнажены были его мысли, обнажилось даже то, что он считал запрятанным глубоко в подвалах памяти, и нематериальная его суть обнажилась тоже.

Тем лучше. Меньше придется объяснять словами.

Дверь открылась – исчез свет в конце тоннеля, исчез и сам тоннель. Аббад стоял посреди большой комнаты, огромные – от пола до потолка – окна которой выходили на один и тот же

склон горы, будто пространство снаружи свернулось и стало однонаправленным. Скорее всего, так и было, но раздумывать над этой топологической особенностью у Аббада не было времени: перед ним на расстоянии вытянутой руки стоял человек. Наверно, он был высок. Наверно – не молод. Возможно, у него была мощная фигура бойца. Скорее всего, на человеке была одежда. Все это существовало с разной степенью вероятности, и оттого монах выглядел странно: будто он то был здесь, то исчезал, то присутствовал, то еще не родился, он был, и его не было – квантовые эффекты, которые Аббад так не любил в обыденной жизни, проявлялись сейчас в полной мере. Значит, – понял Аббад, – монахи действительно принадлежат не одному миру, но всем мирам одновременно. Он слышал такие рассказы, но полагал их апокрифами, поскольку не представлял, как можно жить с разной вероятностью в столь различных мирах и не потерять единства своего «я» и прочности своей сути. Монахам, однако, удавалось и это.

«Аббад, – услышал юноша. – Ты хотел прийти, и ты пришел. Говори».

«Я пришел, – Аббад постарался думать так, чтобы мысль оказалась не только ясной и точной, но еще и эстетически красивой, ведь только красивая мысль может быть истинной, особенно для монаха, – я пришел, чтобы просить о помощи».

«Помощь ты можешь получить и вне Монастыря. Любой человек на любой планете в любой из галактик примет в тебе

участие и поможет».

«Помощь, которая мне нужна, я могу получить только здесь».

Ритуальные мысли перетекали из мозга в мозг, как быстрые ручейки, сразу и безнадежно высохавшие.

– Мое имя Сатмар, – сказал монах, и Аббад не сразу понял, что в гулкой тишине помещения прозвучал голос – не мысль, не посланная поверх звуковых волн идея, но обычный голос, утомленный голос человека, уставшего от трудов, забот, размышлений. Три нейтральных слова, сказанных нейтральным голосом, но сколько в них было... Гораздо больше, чем Аббад мог бы рассказать о себе даже самой глубокой и пространной мыслью, тщательно продуманной и лишь затем вылепленной из электромагнитных полей и гравитационных довесков.

«Мое имя Сатмар», – сказал монах, и Аббад увидел, как этот человек, родившийся много циклов назад в системе Аршана, учится ремеслу погонщика звезд у Рената Великого (у самого Рената!), а потом еще долго занимается этим довольно нудным, хотя и важным для космогонии мира, занятием. Галактику Лигии, оказывается, перестроил именно он, Сатмар, не один, конечно, ему помогали гирей, как всегда, никому не рассказавшие о своем посильном участии. В Лигии Аббад был не так давно, и еще очень молоды были воспоминания о безумно красивых звездах перешейка и окраин. Он хотел побывать и в центре галактики, но не прошел

заслона, потому что создатель (теперь Аббад знал, что это был Сатмар) устроил там пространство по другим, им самим сконструированным, законам физики. Говорили, что в центре Лигии материя состояла не из атомов, а из слепленных по особой системе субпространственных частиц, не обладавших ни зарядом, ни массой. Наверняка нематериальной сути там было больше, чем даже мысли, которая все же материальна во всех проявлениях.

«Мое имя Сатмар» – и Аббад впитал в себя странную, опасную и обычную среди обычных историю любви этого человека к Дакрии Пероне, той, что была символом многих поколений молодых... пока они не выросли и не начинали относиться к жизни с тем уважением, какого не могло быть у людей, не узнавших еще, что такое соперничество, измена, предательство... Неужели Сатмар прошел через эти испытания и остался таким, каким был... стал таким, каков он сейчас?

Было ли что-то, что Сатмар скрыл от Аббада, называя имя? Наверняка. Скорее всего, он не стал открывать главного. Аббад сам поступил бы так на его месте, но именно поэтому монах мог сказать такое, чего Аббад не сказал бы – потому что пути монахов неисповедимы.

– Сядем, – произнес Сатмар глубоким мощным баритоном, от звуков которого воздух в комнате ходил волнами от стены к стене, создавая видимые глазом маленькие бурунчики: монах играл обертонами, заставляя звуковые волны

определенным образом отражаться от стен и совсем иначе – от предметов обстановки. Сатмар произнес лишь слово, и Аббад услышал симфонию звуков, музыку, которую можно слушать вечно. Он так не умел, для него устная речь была лишь инструментом, очень простым и не всегда удобным при общении. Писать словами музыку он не мог, это было высшее искусство звукоизвлечения, а если учесть, что тремя словами Сатмар рассказал чуть ли не всю историю своей жизни...

Удивительно.

Посреди комнаты сгустились два удобных кресла, Аббад не смог сразу определить материал, из которого они сделаны, и, лишь опустившись в одно из них, почувствовал теплую поверхность дерева-вяза из долины вулканов. Впрочем, дерево было с какими-то минеральными добавками, сделавшими его податливым, мягким и услужливым, готовым прогнуться под тяжестью тела.

Сатмар сел в кресло напротив и соорудил низкий столик из прочного акмалийского стекла. Предвидя вопрос, Аббад подумал о том, что хотел бы выпить чаю с бабушкиным тортом, рецепт которого он знал (а теперь узнал и Сатмар, в этом Аббад не сомневался), но никогда не пытался сделать в реальности то, что бабушке удавалось в измерениях, существовавших в ее сознании для личных кулинарных утех.

Торт, нарезанный ровными дольками, появился на тарелочке. И чашки – красивые, с золотистой росписью. Уровень

напитка быстро вырос до краев чашек, и Аббад увидел, как сахар, возникнув горкой на дне, мгновенно растворился в самом замечательном чае, какой он только пил в своей жизни. Если он это видел, то почувствовать должен был непременно.

– Попробуй, – сказал Сатмар, намеренно убрав из голоса обертона, чтобы не смущать Аббада. – Этот чай вырастили на Эмите. Ты бывал на Эмите?

– Нет, – сказал Аббад.

Как сухо и неинтересно звучал его голос! Аббаду стало стыдно – он не мог рассказать обертонами даже миллионной части того, что умел Сатмар. Голосом он лишь сообщал информацию и кое-какие основные эмоции – не больше. Почему Сатмар хочет, чтобы они говорили вслух? Чтобы показать свое превосходство? Нет, это не похоже на монаха. Значит, что-то иное... Что?

– Эмита, – сказал Сатмар, – удивительна. Молодые предпочитают Герму, Антигру... То, что рядом, то, что легко достижимо, выглядит изначально не интересным.

«Сейчас он скажет, что сам был таким в молодости», – подумал Аббад, устыдился этой мысли и не выпустил ее из сознания, но Сатмар улыбнулся, и кровь прилила к щекам Аббада. Он поспешил поднести чашку ко рту, опустив взгляд.

Чай был не просто вкусен. Кроме странных ароматов, он источал непривычные идеи, какие, вообще говоря, не могли содержаться в обычном чае – это были идеи покоя, насыщен-

ные чьими-то воспоминаниями об отдыхе в долине гейзеров на одной из планет в системе Зеленых Полос, удивительной системе, где вокруг двух зеленых звезд обращались не планеты, а длинные молекулярные цепи, свернутые спиралями. Странная там была жизнь – не обладавшая разумом, но инстинктивно построившая одно из самых совершенных околозвездных сооружений в Галактике.

– Нравится? – спросил Сатмар.

– Очень, – признался Аббад.

– В системе Зеленых Полос ты еще тоже не был?

– Нет, – сказал Аббад. Он не побывал во множестве мест даже в своей Галактике, что уж говорить о других, и если Сатмар хотел обратить его внимание на это обстоятельство, ему, конечно, удалось.

– Нет, – повторил Сатмар. Он медленно пил из своей чашки, думал о чем-то, не выпуская мыслей наружу, и Аббад догадывался, что именно сейчас, изучив паломника, монах решает его судьбу. Решает: помочь или...

– Нет, – еще раз повторил Сатмар, – я не собираюсь решать твою судьбу. Во всяком случае, не буду этого делать, не услышав твою историю. Словами, а не мыслью. Вы, молодые, недооцениваете силу и информативность слова, выраженного в звуке. «Мысль изреченная есть ложь». Да?

Лесторин, подумал Аббад. А может, произнес это имя голосом? Он сейчас не вполне понимал сам себя, не мог точно определить: выдавливают ли мысль или говорит вслух, ду-

мает ли сам или всего лишь принимает мысленные образы Сатмара. Монах не то чтобы подавил его сознание, но своим присутствием влиял на мыслительные процессы, проходившие не только в мозгу Аббада, но и в нематериальной его сути, которую Аббад не всегда понимал на нужном для осознания уровне. Собственно, разве не потому он поднялся сюда, чтобы?..

Аббад не стал продолжать мысль, прервал ее волевым усилием: если Сатмар хочет услышать его историю, значит, нужно рассказать ее с начала.

– Лесторин, да, – кивнул старший. – Ты не знаком с этим гением?

Аббад промолчал, вопрос не требовал ответа, Сатмар и сам прекрасно понимал, что юноша не мог быть знаком лично с человеком, который стал монахом за много циклов до рождения Аббада.

– Лесторин был прав и, конечно, ошибался, – продолжал Сатмар, произнося слова с таким изяществом, что ментальные рамочки, в которые были заключены изреченные звуки, образовывали в неподвижном воздухе мелкую вязь, поднимавшуюся к потолку и оставлявшую на его поверхности усложнявшийся узор. – Парадокс в том, что изреченная вслух мысль одновременно правдива и ложна, и ты, конечно, понимаешь...

Сатмар сделал паузу, и ментальные рамочки неподвижно повисли над головой.

– Понимаю, – медленно произнес Аббад, стараясь точно подбирать слова. – Изреченная мысль становится реальным, а не потенциальным выбором. И потому, будучи, по сути, правдой, изреченная мысль является и ложью, поскольку не создает равных вероятностей для всех возможных решений...

– И это плохо, – удрученно сделал вывод Аббад.

– Да, – кивнул монах. – Но именно поэтому информативность произнесенного вслух слова гораздо выше слова, оставшегося в духовных измерениях. Вот почему я хочу...

Сатмар не закончил фразу вслух, но мысль его была очевидна; Аббад даже не стал ловить ее тень, скользнувшую серым облачком к потолку.

– Я понимаю, – подтвердил он. – Я расскажу. Мне нужно подготовиться, потому что...

Сатмар сделал рукой неопределенный жест.

Не продолжай. Конечно, тебе надо подготовиться, ты не привык говорить вслух. Но сейчас слишком важный момент, и потому изволь объясниться словами, не порождая новых возможностей выбора. У тебя есть полчаса. Я вернусь не один – ты это понимаешь, надеюсь. Конклав соберется в этой комнате. Оставайся здесь. Думай. Готовься.

Сатмар встал, кивнул Аббаду и вышел в высокую дверь, закрывшуюся за ним с гулким стуком, от которого едва различимо завибрировали стены. Вибрация породила высокий звук, отозвавшийся болью в ушах Аббада. Он дернул голо-

вой, отталкивая неприятные звуки и ощущения, и отошел к окну, забранному не стеклом, как могло показаться неискушенному взгляду, а прозрачной идеей невидимой, но ощутимой преграды, задерживавшей холодные струи воздуха снаружи. Аббад хуже соображал сидя, ему нужно было двигаться, простое физическое движение разгоняло мысль, кинетическая энергия переходила непосредственно в энергию размышлений. Он и в разговоре с Сатмаром предпочел бы ходить от стены к стене, но это было бы невежливо, хотя и оценено правильно, в этом Аббад не сомневался. Существуют традиции, и он не хотел их нарушать. Нет – так нет. Но сейчас он мог дать волю привычке и бегал от кресла к окну и обратно.

С чего начать? С рождения и первых ощущений? С понимания себя в мире и мира в себе? Нет. Он не должен говорить об истинной причине своего решения. Требование Сатмара даже упрощало Аббаду задачу: ведя обычный мысленный разговор, он должен был постоянно ткать тонкие узоры многосмысленности, поднимая на поверхность сознания одно и пряча на дно подсознательного то, чего не должны были понять монахи.

Начинать нужно, конечно, не с детских воспоминаний. Напротив, это верный способ дать монахам понять, где он прячет невысказанное. Начать надо со знакомства с Тали. Это и красиво: он сумеет соткать словесную вязь так, чтобы получился замечательный ковер, эстетический шедевр. Да,

он начнет с Селирены. А потом...

Сатмар вошел неожиданно, без мысленного предупреждения, а может, Аббад в своей сосредоточенности ничего не почувствовал? Монах едва заметно улыбнулся – уголками сознания, – приветливо кивнул, будто заново здороваясь, и уступил место очень высокой женщине. Аббад, пожалуй, и не видел таких никогда, она принадлежала к древней расе, судя по скуластому лицу, и наверняка возраст ее был сравним с возрастом звездного скопления Нереи, откуда она, скорее всего, и была родом.

– Здравствуй, Аббад, – произнесла женщина мелодичным голосом, не став, однако, раскрывать себя в обертонах, – мое имя Асиана. Не надо так волноваться. И рассказ свой начни не с Селирены, где все мы не раз бывали и прекрасно представляем это замечательное место.

Аббад кивнул.

Асиана отошла к окну и встала рядом с Сатмаром. Монахи сцепили пальцы и улыбнулись друг другу, будто давно не виделись. Может, так и было? В другое время Аббад понял бы правильно сплетение отношений этих людей, но сейчас... здесь...

Третий монах поднялся с кресла, будто просидел там уже довольно долго, ожидая своего выхода. Коренастый, похожий на бочонок, с вытянутой головой – уроженец Истрии. Аббад не смог даже приблизительно определить по внешнему виду возраст этого монаха. Больше сотни тысяч циклов –

молодых среди монахов быть не могло, – но насколько больше?

– Здравствуй, Аббад, – улыбнулся монах. – Мое имя Крамус. Ты правильно понял – моя родина Истрия. Скажу больше – я родился на Лемре, когда Истрия в пятый раз стала спутницей звезды Орхама.

Ну и ну... Аббад не смог скрыть изумления. Это же получается...

– Миллион и сто пятнадцать тысяч циклов, да, – подтвердил Крамус. – И потому менее своих коллег я способен, видимо, буду понять твои устремления. Прошу тебя – будь очень точен в словах. Изреченное слово содержит очень много смыслов, обертоны сами себя усиливают в податливом для звуков воздухе.

Аббад об этом не подумал. Эффект реверберации. В воздухе этой комнаты возможно было усиление до вполне различного даже такого смысла, который в слове присутствовал только в качестве сцепляющего звуки.

Крамус успокоил юношу кивком головы:

– Скрепляющие здесь, конечно, демпфированы, это я тебе как физик говорю, поэтому думай только над смыслом, а не над внешними атрибутами сказанного. Спокойно, Аббад.

– Все в порядке, – подтвердил Сатмар, и Асиана кивнула, соглашаясь с мужчинами. – Говори, мы слушаем.

– Только шлаки слов направляй вверх, – деловито предупредил Крамус, – а то многие тут...

Аббад представил, как другие паломники, приходившие сюда и рассказывавшие о своих нерешаемых проблемах, не могли справиться с волнением, и ошметки их мыслей, не сумевшие стать словами в звуках, плавали по комнате, натываясь на стены и, конечно же, на людей, здесь находившихся. Не очень приятное ощущение.

– Я постараюсь, – смиренно произнес Аббад.

Он глубоко вдохнул наполненный множеством непонятных ему смыслов воздух Монастыря и произнес давно обдуманные первые слова своей предсмертной речи.

– Мое полное имя Аббад Нерегай Сигрон.

Он никогда еще не произносил собственное имя вслух. Знакомясь с Тали, Аббад сразу раскрылся, ощущение резонанса было таким мощным, что сопротивляться оказалось невозможно. Тали ощутила то же самое, имя для них не значило ничего, имя даже словом, по сути, не было, а только символом, обозначением личности, для обоих это уже не имело значения, они были вместе, стали одним целым, говорили о себе «мы», а потом – «я»...

Сейчас Аббад вынужден был разделить свою с Тали личность на части, он произнес свое полное имя и, значит, показал монахам, что он – один, нет у него никого, с кем он мог составить новую, высокую суть.

– На Сигроне живут мои родители, Ант и Лиоз, они перестали опекать меня еще в те дни, когда я учился в школе Каstellо, а потом и вовсе ушли из моего сознания – не хо-

тели мешать.

Почему я это рассказываю? – подумал Аббад. – Это была не совсем та, а точнее, совсем не та речь, не та мысленная заготовка, которую он отрепетировал до полного, как ему казалось, автоматизма. Неужели монахи смогли...

Он умолк и всмотрелся новым взглядом в лица стоявших перед ним монахов. Сатмар смотрел на него с видимым равнодушием, но за этой маской различались и пристальное внимание, и искреннее участие, и, главное, доброжелательность. Нет, он не мог... Не стали бы этого делать ни Крамус, ни Асиана. Их взгляды тоже были чисты, как свет Аридных, когда она стоит выше остальных шести звезд скопления.

– Продолжай, – сдержанно произнес Сатмар и опять едва заметно улыбнулся. Почти как отец. Почти? Нет, в точности так же. В детстве Аббад часто терял игрушки, и они исчезали от отсутствия внимания. Он еще не знал, что предметы нужно привлекать в мир, думая о них постоянно, и потому терял то одну игрушку, то другую, они таяли, унося свою суть в нематериальные измерения. Аббад, бывало, даже плакал от бессилия, и тогда отец брал его на руки и улыбался. Всего лишь улыбался, но Аббаду сразу становилось хорошо, и он придумывал новую игрушку, мгновенно забывая о старой.

– Я был знаком с Антом, – тихо произнес Крамус. – Замечательный человек. Он стал...

Монах не закончил фразу, и мысль его, мимолетно уловленная Аббадом, тоже не позволила понять, кем или чем

стал его отец, которого он не видел и о котором ничего не знал вот уже шестнадцать циклов. В иное время Аббад, конечно, не удержался бы, задал бы прямой вопрос и получил бы ответ, но сейчас...

– Продолжай, – повторил Сатмар, поняв, о чем подумал Аббад, и что его взволновало.

* * *

На Селирене обычно было много туристов – людей, не искавших каких-либо откровений, не жаждавших приключений, но желавших отдохнуть от тяжелых энергий заселенного пространства: Чианутра светила так яростно, что, кроме человека, здесь не выживало ни одно существо, умевшее питаться звездной энергией. Но зато и красота Селирены, совершавшей оборот вокруг светила за семьдесят шесть часов, была поистине неопикуемой. Светло-зеленый диск Чианутры занимал полнеба, и смотреть на него можно было, если только воспринимать не физически значимые электромагнитные потоки, но лишь информационные блоки, не такие яркие, хотя и тоже возбуждавшие не очень подготовленные души.

Аббад уже бывал на этой планете и знал, как поступить, чтобы в первые же секунды не получить или лучевой ожог, или шок от невообразимого наслаждения красотой. Он заставил заснуть все воспринимавшие материальное отделы

мозга, и мир вокруг стал похож на тонкую сеточку, пунктир. В любом другом месте Вселенной Аббад ничего не смог бы увидеть, кроме хаотичного движения атомов и быстрых частиц, но на Селирене он только так и смог воспринять красоту искривленного пространства и попавших в ловушку времени мыслей множества людей, побывавших здесь прежде.

Аббад стоял на холме, не очень высоком, но удобно расположенном – с его вершины легко было разглядеть противоположную сторону планеты и возвышавшийся там штатив звездной лаборатории ученых. Туристов здесь оказалось немного, а в какой-то момент Аббад и вовсе ощутил, что остался в одиночестве: группа отправилась по очередному пункту маршрута, а следующая еще не прибыла.

Он стал спускаться с холма в долину и тогда увидел ее.

Девушка, скорее всего, отстала от группы. Она стояла метрах в десяти от Аббада и смотрела на него.

– Мое имя Тали, – сказала она.

Между ними, подобно прозрачному занавесу, висела в воздухе мельчайшая пыль – это оседали идеи, оставленные здесь многочисленными туристами. Такая на Селирене повелась традиция: уходя с этой планеты, бросать в воздух какую-нибудь мысль, не всякую, конечно, а идею, как обустроить Селирену или, может быть, изменить орбиту, или перестроить ландшафт, годилось все, никто не знал, какая идея окажется полезна строителям, в ход могла пойти любая, и потому идеи здесь носились в воздухе, оседали на почве и

вновь поднимались, вспугнутые, как сейчас, каким-то неординарным происшествием.

– Мое имя Аббад.

– Я наблюдала за тобой, – сказала Тали и улыбнулась.

Ему показалось, что такой улыбки он не видел никогда и никогда больше не увидит.

На девушке было облегавшее фигуру платье, ткань не сковывала движений и, скорее всего, не ощущалась, разве что создавала приятный температурный режим. Золотистое с ярко-зелеными переливами, если смотреть под определенным углом, и Аббад не сразу понял, был этот угол материальным или духовным: цвет платья менялся и в зависимости от того, как менялось отношение к девушке, смотрел ли на нее Аббад взглядом влюбленного или взглядом заинтересованного наблюдателя, или равнодушного туриста.

Платье ярко вспыхнуло зеленым, и Аббад в смущении закрыл глаза. Мысль свою он, однако, запираť не стал, и Тали сказала:

– Спасибо.

– Здесь есть неплохое местечко, где можно посидеть и поговорить, – смущенно подумал Аббад. – Мысли там совсем не рассеиваются, не то что здесь, на вершине.

Тали улыбнулась...

– Так мы познакомились, – сказал Аббад, стараясь, чтобы в голосе его не прозвучали лишние обертона. Монахам нужна была информация, а не его отношение к произошедшему. Они должны были оценить сами, чтобы потом сравнить собственные впечатления с его волнением, страхом потерять обретенную любовь и еще с миллионом других ощущений, которые Аббад пока скрывал, чтобы не исказить простой, по сути, картины знакомства.

– Тали, – сказала Асиана. – Я не могу по короне ее имени определить точнее... Ты не мог бы...

– Да, конечно, – смутился Аббад. – Ее полное имя Тали Карита Сейдон Дакшми. Она уроженка Зельмиры.

– Да-да, – сказала Асиана. – Я вспомнила.

Воспоминание всплыло над ее головой, и Аббад увидел Асиану, поднимающуюся по ступеням университета на Зельмире, ступени были намеренно вырублены огромными, каждая высотой метра в два, подниматься приходилось, используя энергию знаний о структуре поля тяжести, а у кого таких знаний еще не было, тем приходилось карабкаться, цепляясь руками. Асиана высоко подпрыгивала и на одной из ступеней нос к носу столкнулась с высоким мужчиной в хитоне, сотканном из давно устаревших идей об устройстве мироздания.

«Асиана, – подумал старик, – ты тратишь лишнюю энергию. Спокойнее, девочка».

«Прошу прощения, учитель Дакшми», – Асиана отступила на шаг, чтобы не поддаться неожиданно мощному обаянию личности учителя. Останься она на месте, и ей пришлось бы сменить наставника, чего Асиана не хотела.

– Учитель Дакшми, отец Тали, – пояснила Асиана, – преподавал мне физику многомерий на последнем курсе университета. Пожалуй, благодаря его лекциям я решила, в конце концов, стать физиком нематериальных структур.

Она не стала продолжать и вспоминать больше тоже не стала, она и без того обнажила перед Аббадом свои ощущения, не следовало этого делать, хотя, конечно, только сама Асиана и могла решить, что ей следовало демонстрировать паломнику.

– Я не был знаком с учителем Дакшми, – сказал Аббад. – Как-то мы говорили с ним в пространстве Яррой, но там нет личностных ограничителей, и о том, что это был именно учитель Дакшми, я узнал много времени спустя, сопоставив кое-какие вешки из рассказов Тали с моими собственными ощущениями.

Я слишком много говорю, – подумал он.

– Нет, – улыбнулся Сатмар. – Напротив, ты говоришь слишком мало. Ты пришел, чтобы мы выслушали тебя. Продолжай.

– Мы пошли с Тали в... – сказал Аббад. – На Селиранде,

неподалеку от северного магнитного полюса, есть место... Простите, я не могу произнести вслух ни его названия, ни того, что там... Это эмоциональное, голосом не передается.

– Продолжай, – сказал Крамус. – Не нужно эмоций. Название не имеет значения.

Аббад думал иначе, но не стал спорить.

– Тали в то время только поступила на курс химии пространств, еще не прошла даже первого посвящения, она...

Слов для описания у Аббада не было. То есть, были, конечно, но он считал их такими банальными...

– В любви нет ничего банального, Аббад. – сказала Асиана. – Точнее, все настолько банально, что никакое слово не может оказаться ненужным, неверным или неточным. Говори.

– Тали была, как птица, пролетевшая над нашими головами, когда мы спускались с холма...

– Птица? – удивился Сатмар. – На Селирене нет птиц, эволюция там подземная...

– Птица, – повторил Аббад. – Нас это тоже удивило. Она была похожа на толстопуза, длинные широкие крылья в два ряда, голова большая на короткой шее, птица была прекрасна, она сделала над нами круг и что-то крикнула... Я даже подумал в тот момент, что это разумное существо, такой же турист, но... эмоции у птицы были инстинктивны, мыслей никаких, подсознательное отсутствовало... Это действительно была птица, неизвестно как оказавшаяся на Селирене

– будто специально для нас с Тали. Я воспринял ее полет, как знак, да и могло ли быть иначе? Тали тоже... Только это оказались разные знаки – для нее и для меня.

– А птица... – обеспокоено произнесла Асиана. – В непривычной для нее экологической среде...

– Она сделала над нами круг, крикнула и взмыла ввысь – очень красиво, будто человек, летящий к звездам, крылья сверкнули радужным блеском и...

Аббад замолчал, сдерживая эмоции.

– Птица исчезла так же внезапно, как появилась, – проворчал Крамус, стоявший в проеме окна и освещенный желтоватым сиянием только что взошедшего Гримта. – Обычная склейка. Я знаю эту породу: такие птицы водились много циклов назад на одной из планет в системе Вистера. В нашей ветви вымерли, потому что звезда была нестабильна, очень быстро прошла ядерную стадию эволюции, а дальше понятно...

Дальше, конечно, было понятно – стремительное расширение, планета погружается в горячую звездную атмосферу, все живое, не обладающее разумом и не способное перенести температуру плавления, обращается в протовещество или вовсе переходит в нематериальное состояние – в зависимости от соотношения физических постоянных...

– Птица стала для тебя знаком... – произнесла Асиана и подошла к Аббаду так близко, что он решил, будто она хочет коснуться его кончиками пальцев. Это могло нарушить

его планы, прямого прикосновения он не вынес бы, броня, которую он на себя надел, растаяла бы сразу, как цветы паронника в свете красных звезд. Испуг его был быстрым, и так же быстро Аббад с ним справился, уложившись в те микросекунды, которыми отмеряются неконтролируемые и, по большей части, невоспринимаемые эмоции. Если Асиана заметила...

– ...И нетрудно понять, каким это был знак, – продолжала Асиана, не заметив, похоже, мгновенного испуга Аббада. Или не обратив внимания. Или не показав, что заметила и оценила. – А Тали? Если склейка стала для тебя знаком любви, то для нее...

Вопрос, к которому Аббад долго готовился. Сначала ему требовались секунды, чтобы дать ответ, не окруженный множеством вопросительных знаков, свидетельствующих о лжи. Наконец он достиг автоматизма, каким владеют звездные путешественники, способные принимать решения в квантовые доли мгновения, когда от решения зависит, попадешь ли ты в атмосферу выбранной планеты или в корону звезды, или даже в ее недра. Неприятных ощущений не оберешься... Аббад стал звездным путешественником – и сумел добиться автоматизма, отвечая самому себе на заданный Асианой вопрос.

– Для Тали это был знак приятного знакомства, – услышал Аббад свой голос даже прежде, чем вопрос отпечатался в сознании. – Это был знак долгой дружбы. Она...

– Ты должен был понять это сразу, верно? – мягко сказала Асиана.

– Да, но...

Аббад позволил себе передышку. Сейчас монахи размышляют над его ответом. Он не сможет больше отвечать, будто конечный автомат, над которым ставят эксперимент по контролю разумности. Он не выдержит, броня уже истончилась настолько, что может прорваться...

Аббад отступил на шаг и закрыл глаза. Он видел теперь инфракрасную картину, потерявшую четкость: Сатмар неподвижно сидел в кресле, предавшись размышлениям, Крамус бродил по комнате, меняя маршрут случайным образом, Асиана по-прежнему стояла перед Аббадом, внимательно его рассматривая, волны ее взгляда ощущались, как теплые потоки.

– Да, но я в тот момент не думал о ее чувствах, – пробормотал Аббад.

И это была правда. Птица исчезла, будто сожженная светом Чианутры, Аббад смотрел на Тали и видел не девушку, но ее духовную суть, ее нематериальное «я», внутренние сплетения смыслов, ее ум... видел все, что хотел видеть, и только то, что хотел. Он был слеп, да. Но разве каждый влюбленный не слепец в своем роде? Чтобы правильно понять человека, нужно быть беспристрастным. Отрешиться от эмоций. Не ощущать – только думать. Неужели Асиана полагает, что в тот момент Аббад мог думать?

Вместо Асианы ответил Крамус, переставший кружить по комнате.

– Я тоже был таким, – сказал монах задумчиво. – Да, представь себе. Резонанс не может не ощущаться на любом уровне – сознательном, подсознательном, духовном, нематериальном... Это как вспышка сверхновой. Это... Это любовь, вот и все. Ты хочешь сказать, что ощутил резонансное состояние, которого не было на самом деле?

– Я принял за резонанс всплеск собственных эмоций, – покаянно произнес Аббад.

Крамус кивнул. Асиана покачала головой. Сатмар сидел неподвижно, скрестив руки на груди и глядя в окно.

– Сколько времени это продолжалось? – мягко спросила Асиана.

– Семь циклов.

– Ну-ну, – пробормотал Сатмар.

– Бедняга, – сказала Асиана.

Крамус бросил на Аббада пронизательный взгляд, но рта не раскрыл.

– Когда ты понял, что... – начал Сатмар, и Аббад поторопился с ответом, он боялся, что, промедлив, выдаст себя – психологическая броня стала уже такой тонкой, что единственный рискованный вопрос мог бы...

– Когда настало детское время, – перебил он Сатмара, возможно, слишком невежливо, но монахи должны простить его волнение, – Тали не захотела ребенка. Все стало ясно.

– Все стало ясно, – повторил Сатмар.

Что ему стало ясно? Что? Мгновенный испуг сделал защиту совсем тонкой. Больше Аббад не мог сопротивляться. Открыть себя. Невозможно. Он проиграл. Он...

Нет. Спокойно.

– Все стало ясно, – сказал Аббад. – То есть, стало ясно мне. Тали понимала суть наших отношений с самого начала, это очевидно.

– Семь циклов. Не слишком ли много? Нам не доводилось прежде встречаться с таким взаимным непониманием. Твой случай уникален.

Аббад молчал. Любое сказанное им слово могло сейчас быть истолковано только против него.

– Если знание о природе резонанса сугубо теоретическое, – подал голос Крамус, – то, полагаю, это возможно.

– Теоретическое знание о природе резонанса? – поднял брови Сатмар. – Это оксюморон, друг мой.

– Итак, – произнесла Асиана, чей взгляд был чист, прозрачен и понятен, насколько вообще могут быть понятны мысли монахов, – прожив столько времени с любимой женщиной, ты понял, наконец, что это была не любовь, но всего лишь материальная близость... так?

– Да, – кивнул Аббад.

– Невозможно не понять... – начал было Сатмар, но Асиана прервала его движением руки.

– Сложно, действительно, – сказала она. – Но в нашем

сложном мире я встречалась и с более странными случаями. Ты – нет?

– Да, – признал Сатмар. – Ты говоришь о Ститусе Анконском? Нарушение принципа относительности.

– Один из множества, верно? – улыбнулась Асиана.

– Так возникают новые направления в искусстве, – согласился Сатмар, и Аббаду захотелось понять, о чем они говорят. Он интересовался искусством, любил музыку, они с Тали посещали концерты на Бишоре, где музыканты-авангардисты создавали новую музыку, отделяя материальные звуки от нематериальных идей и духовных носителей мелодического начала – получалось очень интересно, звуковые волны, исторгнутые инструментами, начинали жить собственной жизнью, уже по пути к слушателям пытались найти для себя новых нематериальных двойников, и то, что приходилось слышать Аббаду, было порой не просто бессмысленно красиво (он вспомнил «Чайную кантату» Пертолено), но наполнено таким совершенно непредсказуемым смыслом, что закладывало не уши, как это бывало на концертах Аргеллида, нет, закладывало душу, запечатывало ее, заставляло погружаться на дно всех существующих смыслов...

Аббад отогнал воспоминание, услышав Сатмара:

– Иными словами, малая вероятность произошедшего не позволяет сделать вывод о том, что Аббад мог неверно понять послание Тали.

– Как можно понять неверно то, что сцеплено смыслом? –

удивился Крамус. – Я впервые встречаюсь с человеком, принявшим сложение ментальных волн за физический резонанс. Дружба и любовь – что может быть более различно в отношениях мужчины и женщины?

– Удивительно, да, – согласилась Асиана.

Она обернулась к Аббаду:

– Теперь, когда понятна причина, сбрось броню, которой ты себя окружил, и покажи глубину.

Аббад был готов и к этому. Наружная броня все равно уже истончилась, она лопнула бы и без просьбы Асианы. Аббаду показалось, что тщательно сконструированный костюм распался на полоски ткани, полоски эти упали на пол с тихим шелестом, и сразу стала видна вторая броня, блестящая в лучах Алцедона, светившего сейчас во все окна.

Он чувствовал себя перед монахами таким же физически обнаженным, как в детстве, когда мама обливала его холодной водой и требовала, чтобы он не прикрывал руками голову: «Убери руки, Аббад, – говорила она, – ты не только макушку не даешь полить, но и мысли, и то, что под ними, и то, о чем ты еще не знаешь, и то, чего ты еще не чувствуешь, убери руки, ты еще не умеешь управлять ими»...

Он не умел, да. Аббаду показалось, что он и сейчас не умеет – он надел два слоя брони, первого уже лишился, а если сейчас под взглядами монахов упадет вторая...

– Понятно, – сказала Асиана.

– Пожалуй, – согласился Крамус.

– Ну... – протянул Сатмар. – Допустим.

– Ты очень страдаешь, – сказала Асиана. Не спросила, просто констатировала.

Он страдал, да. Вот только причина...

– Не нравится мне это, – сказала Асиана.

– Что тут может понравиться? – удивился Крамус.

Сатмар промолчал.

– Что ж, – сказала Асиана. – Говори. Теперь мы знаем достаточно, чтобы выслушать твою просьбу.

– Я хочу умереть, – сказал Аббад.

* * *

Когда Аббаду не было и недели от роду, мать погрузила малыша в пространство мысли – хотела, видимо, чтобы ребенок быстрее развивался, ибо если учат плавать, бросая в воду, то научиться объективному мышлению можно, погрузившись всем существом в мир логических умозаключений. Неокрепшая психика Аббада не была подготовлена к восприятию всеобщности Триединства – материи, духа и идей. Его еще не вполне даже себя осознавшее «я» трепыхалось и тонуло, и, как рассказывал потом отец, выбрасывало в материальный мир искореженные до неузнаваемости идеи, собиравшиеся в немыслимые конструкции, которые сразу разрушались.

Психика Аббада оказалась нарушена: вместо обычных иг-

рушек – зверушек, птичек, – он создавал логически несуразные артефакты, которые, тем не менее, действовали, что-то творили, иногда прекрасное, иногда уродливое. Объемную картину-калейдоскоп, сооруженную Аббадом в младенчестве, отец даже поместил над крышей дома, в котором они тогда жили, и странную, иногда утомительную, но чаще освежающую игру света, желаний и возможностей легко было разглядеть даже с противоположной стороны планеты – лучи света изгибались, отражаясь в ионосфере, желания яркими блестками впивались в сознание любого, кто бросал взгляд на странное сооружение, а возможности, созданные неумной фантазией Аббада, обладали удивлявшей всех силой, толкавшей зрителей на поступки, которые они вовсе не желали совершать.

Мать как-то попыталась снять это, по ее мнению, слишком въедливое сооружение, но игрушка Аббада не поддавалась. Оказалось, что подчиниться она готова лишь его личному желанию, так и висела до самого его поступления в школу.

В школу Аббад был принят раньше, чем его сверстники. Возможно, для него действительно не прошел даром эксперимент матери – во всяком случае, он умел легко управляться в трехмерии уже тогда, когда другие дети его возраста лишь начинали понимать, что Вселенная – далеко не только игрушки, которыми можно швыряться, не только дом, в котором они живут, не только долина, лес, живность, молчали-

вая и говорящая, не только тысячи близких ослепительных звезд над головой, создающих вечный свет, и не только быстрый бег или спокойные игры с приятелями. Вселенная – это еще и мир идей, желаний, нематериальных сутей, которые не менее реальны, чем игрушки, дом, птицы и звезды. Дети обычно ко второму циклу, а то и позже, начинают разбираться в том, что такое нематериальная составляющая мироздания, начинают понимать, что любую игрушку можно сделать самому из идеи, надо только научиться пользоваться законом сохранения полной энергии, а это не просто, как убедился на своем опыте Аббад еще тогда, когда его сверстники пускали пузыри и пачкали себя отбросами не только переработанной организмом пищи, но и ошметками собственных не выстроенных мыслей.

Искусству покидать тело и перемещаться в физическом пространстве, пользуясь энергиями духовных полей, Аббад научился перед тем, как надо было отправляться на Аарагду, планету-странницу. Пространственная ее скорость была так велика, что Аарагда не могла надолго – хотя бы даже на цикл – прибиться к какой-нибудь звезде, но, с другой стороны, скорость эта была недостаточно велика, чтобы планета покинула Галактический шар и отправилась в долгое и беззвездное странствие к другой галактике.

Искусству пространственного перемещения Аббада, на самом-то деле, обучил отец, но делал он это так искусно, незаметно и ненавязчиво, что Аббаду еще очень долго каза-

лось, будто всему он научился сам – в том числе и искусству духовных слияний, позволявшему избегать стычек с другими детьми, не вполне еще понимавшими истинную структуру взаимоотношений (в том числе отношений полов) и потому тратившими много энергии на выяснение взаимных обид, претензий и противоречивых желаний.

Тяготился ли Аббад своей отделенностью, своим часто не нужным ему одиночеством? Да, хотя сейчас Аббад и понимал, что именно одиночество заставило его быстрее, чем это удавалось многим, подняться на первую ступень посвящения – он, кстати, не ожидал, что это случится так быстро, на втором цикле обучения. Аарагда тогда прибилась к синей, как саримская лисица, звезде, чье название содержало больше нематериальных и духовных символов, чем можно было произнести и даже подумать. Название свое звезда получила из-за того, что демонстрировала в чистом виде закон сохранения полной энергии: какие-то вещества (впоследствии, уже в университете, Аббад разобрался, конечно, в их физико-духовной структуре), каких недоставало в недрах обычных звезд, вступали здесь в полный цикл реакций, производя не только электромагнитное излучение, но и довольно частые выбросы духовной энергии.

Время посвящения выбрали учителя. Для Аббада стало неожиданностью, когда однажды, приступив к изучению внутренних смыслов поэмы Дервита «Мир, как пространство и воля», он ощутил полное единение с автором. Он

стал Дервитом, вспомнил свою (его!) жизнь, то, о чем не имел раньше ни малейшего представления, пережил его душевные муки и великие подъемы разума, написал десятки поэм, забытых за давностью лет, прожил две тысячи циклов и умер потому, что узнал о жизни все. Молекулы в его теле начали распадаться на атомы, поскольку истончилась духовная составляющая личности, сохранявшая в веществе жизнь. Дервит стал духовной сутью, памятью, что в полной мере и ощутил Аббад.

Он вернулся обновленным, и, главное, понимал теперь, что такое смерть. Прежде он не знал этого и, как все дети, воображал, что будет жить вечно.

О сущности смерти Аббаду рассказал учитель Левкид.

– Человек, – объяснил он, – самое сложно организованное существо в нашей Вселенной. Ты уже знаешь: человек – не только материальное тело, но и духовная суть, а также нематериальные составляющие, которым нет названия в вещественном мире. Животные, птицы, космические монстры, планеты, звезды, пыль и газ, само пространство – физический вакуум и все его квантовые состояния, – в общем, все, что можно увидеть глазом, не обладает духовным содержанием, хотя и содержит, конечно, его зачатки. В нематериальном мире у физического вещества и полей нет таких глубоких связей, как у человека. Вещественная планета содержит в нематериальности собственную идею и множество других идей, с нею связанных, но число и сложность этих идей ни-

чтожны по сравнению с идеями, из которых возникает человеческий дух, а затем и тело...

– Да, я это почувствовал, – подумал Аббад и попытался вернуться памятью в тот миг, когда...

– Не нужно, – поспешил остановить его Левкид. – Ты посвящен – этого достаточно. Воспоминание может вывести тебя из психического равновесия, а ты еще многому должен научиться, чтобы понять самого себя. Я только хотел сказать, что финал жизни человека отличается от финала существования любой другой структуры во Вселенной. Когда в звезде заканчивается ядерное топливо, она сжимается под действием собственной тяжести и становится черной дырой, ее вещество вновь превращается в идею, которая когда-то и породила звезду, заставив сжиматься межзвездное облако. Это простой переход, результат сохранения полной энергии. Когда в живом существе – животном, например, или космическом монстре – начинают распадаться молекулярные структуры, часть энергии переходит в духовные миры, часть – в нематериальные, но часть остается здесь, во Вселенной. Остаточная энергия излучается в виде электромагнитных волн, и смерть живого существа представляется яркой вспышкой – обычно зеленого цвета, потому что именно в этом диапазоне...

– Я видел, как умер листочник, – сообщил Аббад, невежливо прервав учителя, и тот мощным мысленным импульсом заставил ученика всплыть из нового воспоминания.

– Ты еще не понимал, что это была смерть, верно? – подумал Левкид.

– Нет, я... Я решил, что листочник отправился в другое место.

– У физиков есть термин: телепортация.

– Путешествие, да? Но это не совсем...

– Молодец, Аббад, ты уже понимаешь разницу между физической телепортацией, которую и сам хорошо освоил, и сложным процессом трансформации...

– При телепортации, – сказал Аббад, – меняются только координаты объекта в пространстве-времени, но нет обмена энергиями с духовным и нематериальным мирами.

– Конечно, – кивнул Левкид. – А тот листочник действительно умер, судя по твоему описанию. В материальном мире он обратился в горсть пыли, в духовном осталось содержание его памяти, а в нематериальном сохранились все идеи о его структуре. Такова судьба живого, но не разумного. Человек...

Левкид помедлил, пряча от Аббада какие-то свои мысли, не предназначенные для ученика, и продолжил после короткой паузы:

– Настала пора, Аббад. Первое посвящение, через которое ты прошел, это знание о начале и конце всего сущего. Прежде ты жил в убеждении, что будешь всегда.

– Конечно, – подумал Аббад. – Человек рождается из идеи. Из мысли. Из желания. Если бы у отца и мамы не воз-

никло мысли о сыне...

– Ты не родился бы, конечно.

– А идеи вечны, или это тоже неверно?

– Идеи вечны, – повторил учитель. – Полагаю, да. Во всяком случае, наука пока не смогла доказать обратного или показать в эксперименте исчезновение хотя бы одной идеи. Но это...

– Это я пойму при втором посвящении, – подсказал Аббад.

– Возможно, – сдержанно сказал учитель. – Физика утверждает, что идеи вечны, духовная суть изменчива, а вещественное тело смертно и в назначенный срок становится прахом, горсткой пыли. Тело живет... на этот счет есть разные мнения... некоторые исследователи считают, что человек в своей вещественной форме может, в принципе, прожить столько, сколько будут существовать молекулы, атомы и частицы. Примеров тому мы не знаем по той простой причине, что наша Галактика образовалась шестьдесят семь миллионов полных циклов тому назад. По сути это – вечность.

– Но Дервит умер, – сказал Аббад. – Его молекулы распались.

– Он сам того пожелал, – покачал головой Левкид.

– Но как...

– Дервит и сейчас жил бы и продолжал радовать нас своими поэмами – поистине гениальными! Физическое тело че-

ловека не может погибнуть, пока связано законом сохранения энергии с духовным миром и миром идей. Пока сохраняется триединство, смерти нет, потому что всегда из неуничтожимой идеи может возникнуть мысль, а энергия мысли, перейдя в материальный мир, восстанавливает тело таким, каким оно было в момент гибели.

– Да-да, – нетерпеливо сказал Аббад. – Но Дервит... я был им, я ощутил его смерть, полный распад...

– Неприятные ощущения, верно?

Аббад передернул плечами.

– Дервит сам того пожелал, – повторил учитель, – но у него ничего не получилось бы, если бы не помощь монахов.

– Монахи?..

– Ты знаешь о Монастыре?

– Конечно, – сказал Аббад. – Монахи управляют всеми процессами во Вселенной...

– Нет, конечно, – улыбнулся Левкид. – Монахи все знают, да, но умеют далеко не все. Правда, никто не знает, чего же они все-таки делать не умеют, потому и сложилась легенда...

– С неразрешимыми проблемами люди поднимаются в Монастырь.

– Да, – кивнул учитель. – Поднялся и Дервит. Повторяю: поэт и сейчас был бы жив, не помоги ему монахи разорвать энергетические связи в его душе. Правда...

Левкид скрыл от Аббада какую-то свою мысль, пустая оболочка взлетела в небо так быстро, что Аббаду показалось

– сверкнула молния. «Правда»...

– После первого посвящения, – сказал учитель, – ты начал понимать устройство Вселенной. После второго ты поймешь себя.

* * *

– Я хочу умереть, – произнес Аббад.

Ему показалось, что монахи не поняли его слов. Все трое остались неподвижны – не только в пространстве комнаты, но и в пространстве мысли: ничто не сдвинулось, не изменилось, слова Аббада повисли в воздухе, как легкие воздушные шарики. Они поднялись невысоко и выглядели одинокими путниками, уставшими и не желающими продолжать подъем.

– Повтори.

Кто это спросил?

– Я хочу умереть и прошу вашей помощи.

Слова, наконец, взлетели вверх, и в комнате возникло движение – не столько в физическом пространстве, сколько в пространстве мысли. Возможно, идеи в нематериальном мире также пришли в движение – во всяком случае, Аббад очень на это рассчитывал. И очень рассчитывал на то, что, произнося вслух кощунственные слова, он не позволил монахам понять их истинную причину. Он так старался...

– Ты просишь нашей помощи, – сказала Асиана, передав

голосом всю гамму охвативших ее чувств. Это было высшее искусство речи, Аббад так не умел, он даже не подозревал, что подобное умение существует. Он не представлял, как можно с помощью звуков, простых колебаний воздуха, передать и грусть свою, и боль, и любовь к нему, пришедшему в Монастырь со своей болью и грустью, и желание помочь, но не так, как хочет этот юноша, еще не понимающий, должно быть, что такое жизнь, и что прожить ее нужно, как бы ни оказалось трудно, как бы ни...

О чем-то еще более глубоком и важном сказала в четырех словах Асиана, но Аббад не смог понять, он не умел так хорошо, как монахи, анализировать звуковые колебания.

– Я прошу вашей помощи, – повторил Аббад.

Сатмар подошел ближе, и Аббад ощутил исходившее от монаха душевное тепло, оно согревало и даже больше: юноша ощутил жар, в голове застучали быстрые молоточки. В ритме, который Аббад не сразу сумел расшифровать, они говорили о том, что жизнь – сложнейшая категория сущности, он еще молод, чтобы понять ее даже в самом простом воплощении, и, несмотря на два посвящения, он еще слишком мало...

– Я решил, – твердо сказал Аббад.

Молоточки перестали стучать, обруч, сжимавший череп, разжался, Сатмар бросил взгляд поверх головы Аббада – прочел, должно быть, остаточные мысли и соображения, – и отошел в сторону, а на его месте оказался Крамус. Он ничего

не сказал, ни о чем не думал – во всяком случае, ни о чем таком, о чем следовало бы знать Аббаду. Он просто стоял и не смотрел даже, глаза его были закрыты для всех длин волн, и, может быть, только нематериальная суть была ему сейчас доступна, но Аббад очень надеялся на собственную защиту, пусть уже и тонкую, но все еще действовавшую.

– Так, – сказал Крамус и отошел к Сатмару, стоявшему в проеме окна. Асиана не сдвинулась с места.

– Ты решил, – сказала она. – и нам нужно знать причину. Конечно. К этому Аббад готовился почти половину цикла – с той ночи, что они с Тали провели на плато Уппары. Ужасная ночь. Последняя. Больше они не виделись. Ощущение резонанса, могучее и притягивающее, исчезло не сразу, но все-таки исчезло – последнее время Аббад провел вдали от родной планеты и вдали от всех мест, где могла находиться его любимая. Он любил Тали и с каждым прожитым часом любил все больше, он хотел сказать ей... Не мог. Не должен был.

В ту ночь на плато, когда в небе не осталось ни одной близкой звезды и упал мрак, они оба будто обезумели. Темно стало не только в вещественном мире, но и в душе. Многие отправлялись сюда, чтобы испытать свои чувства, вот и они тоже... Это была идея Аббада, но Тали казалось, что испытание придумала она, и он не спорил, так было лучше, так он хотел, Тали, любимая, так часто принимала его мысли за свои, что и на этот раз...

Он укрылся от нее в пещере бессознательного, и Тали оказалась такой одинокой перед мраком... Много позже Аббад раскрыл ее воспоминания, ощутил ее ужас. Все происходило так, как он хотел, то есть, конечно, он не хотел такого конца их отношений, он даже не представлял сначала, что резонансные связи разумов можно разорвать, но так было нужно, и главное: Тали не должна была знать, почему он это делал.

– Ты больше не любишь меня, – сказала она.

Это было не так, но Аббад кивнул: «Да».

– Ты больше не любишь меня.

Женщины лучше мужчин ориентируются в пространстве души, где мысль вторична, а то, что делал Аббад, происходило в мире идей, в нематериальном, там, куда Тали войти не могла – она еще не прошла даже первого посвящения, и это Аббад учел, конечно, когда обдумывал свой жестокий, но необходимый план.

– Ты больше не любишь меня.

Когда души перестают резонировать, возникает пустота... И еще эта ночь – чернота неба, к которой невозможно привыкнуть. Нужно бежать отсюда, туда, в родную Галактику, где всегда светло, но как бежать, если нет сил, если все напасти разом: чернота неба, чернота в душе, чернота, чернота...

– Ты не любишь меня, но это невозможно.

Конечно, это было невозможно. Но она должна была думать...

Когда исчезает резонанс, наступает обратный эффект. Аб-

бад знал это, он изучал физику волн – материальных и духовных, – а Тали еще не знала, и Аббад воспользовался своим преимуществом.

– Уходи, – сказала она. – Я не хочу тебя видеть. Я не хочу тебя знать.

– Хорошо, – сказал он.

Аббаду никогда прежде не было стыдно, он не представлял, каково это – пережить стыд.

Он пережил.

* * *

– Я люблю Тали, – сказал Аббад. – Мы были вместе. Она разлюбила меня. Она меня прогнала. Теперь вы понимаете, что я не могу жить?

Монахи должны были понимать. Они могли заглянуть в его душу (смотрите: все, что выше защиты, вы можете увидеть, ощутить, понять). Аббад любил Тали, и весь мир существовал для него, пока Тали была с ним. Она прогнала его, сказала «Уходи», смотрите, как это было. Да, плато Уппары – ужасное место, но ведь многие влюбленные отправляются туда, чтобы испытать свои чувства...

Монахи стояли в проеме окна, освещенные двумя звездами – голубым Камроном и желтым Сатусом, – и о чем-то советовались друг с другом. Ни единой видимой мысли не поднималось над их головами. Решают? Что решат?

В следующее мгновение Аббад понял, что остался в комнате один. В лучах Камрона все еще были видны контуры человеческих фигур, сквозь которые не проникал свет, но монахов здесь не было. Ни мыслей, ни даже их нематериальных сутей.

Аббад сделал несколько шагов, почему-то с трудом передвигая ноги, на его плечи навалилась тяжесть, воздух давил и прижимал к полу. Аббад протянул руку и коснулся плеча Сатмара – холодного и пустого внутри. Он знал, что монахи способны покидать свои тела, он слышал об этом, теперь видел, как это происходит.

Он что-то сделал не так? Что-то не так сказал? Его защита оказалась недостаточно надежной?

Аббад отвернулся, ему неприятно было смотреть на пустые человеческие оболочки – живые, но не существовавшие здесь и сейчас. Что хотели знать монахи? Только бы не...

Сатмар вернулся – его угловатая, чуть сутулая фигура возникла у двери – впечатление было таким, будто он только что вошел и прикрыл дверь за собой. Аббад отвлекся, вот и не обратил внимания. Он невольно бросил взгляд на другого Сатмара – фигуру у окна, все еще неподвижную и равнодушную. Монах ощутил удивление Аббада, но не стал ничего объяснять, прошел на середину комнаты, соорудил удобное кресло из мыслей о хорошем отдыхе, поставил стол, вырастив его из плиток пола, устроился поудобнее и лишь после этого пригласил и Аббада присесть – разговор, мол, еще

предстоит долгий, во многом нужно разобраться, решение непростое, ты понимаешь, одно из самых сложных решений, и нужно быть уверенным...

Аббад не стал фантазировать – не монахам же демонстрировать свои умения, – вызвал низкую скамеечку, самое простое, что можно было легко соорудить из мысли о приятной беседе, – присел так, чтобы фигуры у окна остались за спиной, не мог он их видеть, они ему мешали. Сатмар усмехнулся – мысленно, выражение его лица оставалось в меру доброжелательным и внимательным.

– Ты уверен, что между тобой и Тали больше не существует резонанса, – сказал Сатмар. Он не спрашивал, он утверждал, и Аббад подтвердил сказанное мысленным «да».

– Да, – задумчиво произнес Сатмар, помедлил и продолжил, поглядывая время от времени в ту сторону, где у окна, как чувствовал Аббад, все еще стояли три неподвижных фигуры. – Ты должен понимать, что своим решением изменишь жизнь многих людей. Тали – прежде всего. Вы связаны резонансом, в мировых линиях сложилась структура, определившая с высокой вероятностью не только ваше личное будущее, но и будущее мира.

– Я не...

– Помолчи, – резко сказал Сатмар. – Твои желания ясны, но причины... Твое решение безответственно, Аббад. Я знаю сейчас, как изменится мир после твоей... м-м... смерти.

– Да? – сказал Аббад. Сам он не знал этого. Точнее – знал, конечно, но совсем не то, что заинтересовало бы монахов, поддерживавших Вселенную в равновесии, без которого невозможно развитие трех составляющих мироздания – материи, духа и идей. Мучительно размышляя о собственной участи и принимая решение, Аббад пытался представить себе не только то, что он сейчас скрывал за оболочкой защиты, но и – естественно! – вообразить, каким будет мир после его ухода. Ему это не удалось – возможностей оказалось так много, а исчисление вероятностей было таким сложным, что свои попытки Аббаду в конце концов пришлось оставить. Он мог только надеяться, что с его смертью ни одна звезда не взорвется, ни одна туманность не схлопнется, ни одна идея не станет причиной рождения монстра, и вообще никто в мире не будет сожалеть о его уходе. Кроме Тали. Она больше не любит его, да, но в день печали, в тишине, пусть вспомнит его имя и произнесет, тоскуя... Должно же быть и в этом мире нечто...

Не должно.

– Тали будет помнить тебя всегда, – печально сказал Сатмар. – В этом ты можешь быть уверен.

Давление мысли монаха казалось Аббаду почти невыносимым. Если защита исчезнет...

– Тали, – повторил Сатмар. – Ты понимаешь, что сломал ей жизнь?

– Она разлюбила меня, – горько произнес Аббад.

Сатмар покачал головой.

– Ты еще не знаешь довольно простой вещи, – сказал он, отведя взгляд от Аббада и позволяя ему немного расслабиться. Монах не хотел давить, предлагал Аббаду раскрыться самому. – Ты не знаешь, что возникший резонанс не может быть разорван. Любовь не может пройти, как проходит зима на окраинной планете. Любовь, Аббад, имеет начало, но не имеет конца. Как жизнь человека. Возникнув однажды, резонанс не может прерваться, волновая функция этого процесса – если говорить языком математики – имеет начальное состояние, но в дальнейшем не зависит от времени, а число ее возможных ветвлений таково, что никто до сих пор не смог в точности определить их количество. Этим занимались великие ученые – Кармикор, Баззард, Делиата...

Аббад знал имена великих физиков. Их идеи он впитывал в школе, их мысли, витавшие в пространстве, изучал в университете, а во время экзаменов они помогали ему преодолевать препятствия: Делиата даже подсказала решение, когда Аббад не мог справиться с волнением...

– Баззард, – продолжал Сатмар, – доказал, что число решений волнового уравнения резонансного состояния психики превышает число атомов в наблюдаемой части Вселенной. Это нижняя граница. Верхнюю пыталась определить Делиата. Ей это пока не удалось, и проблема не решена до сих пор. Современная физика полагает, что резонансное состояние – то, что называют любовью, – не ограничено во вре-

мени. Так что...

Им не нужно было взламывать мою защиту, чтобы понять, что я лгу, – подумал Аббад, не пытаясь скрыть свою мысль, мгновенно всплывшую из подсознательного и светлым облачком поднывавшую к потолку. Сатмар проводил мысль взглядом и даже не попытался ее притянуть, оценить, взвесить.

Им не нужно было взламывать защиту, они и так знали, что я что-то скрываю...

– Конечно, – кивнул Сатмар. – А разговор с Тали подтвердил нашу догадку.

Разговор с Тали. Они...

– Конечно, – повторил Сатмар. – Речь идет о резонансе. Это самое удивительное явление в природе разума. Любовь. Познавать ее еще не изведенные грани – само по себе великое счастье, а то, что произошло у тебя с Тали...

– Вы говорили с Тали! – не удержался от восклицания Аббад.

Как они сумели? После расставания – так, во всяком случае, было решено между ними – Тали отправилась в галактику Сентти, на маленький звездный островок, куда никто не стремился попасть. Между нами – сотни тысяч излучающих галактик и поглощающих любую направленную мысль облаков. В духовном измерении Сентти почти не проявляла себя – разве что слабая тень осталась от когда-то существовавшей в этой галактике цивилизации, погибшей на заре неудачно

сложившейся для нее технологической эпохи и не успевшей подняться до вершин разума. В мире идей Сентти и вовсе отсутствовала, странное создание природы, возникшее случайно и обреченное на существование лишь в материальном мире.

Аббад не представлял, как сумели монахи отыскать Тали в этой звездной пустыне. Не могла же она, в самом-то деле, нарушить их уговор и вернуться...

* * *

– Постой, – сказала Тали. – Прежде чем мы расстанемся, ты должен сказать: кто она?

– Она? – удивился Аббад. – О чем ты?

Он прекрасно понимал, конечно.

– Другая женщина, – сказала Тали. – Я давно почувствовала твое отчуждение, Аббад. Ты уходил в себя, погружался глубоко и закрывался, я переставала видеть тебя... мне становилось плохо, а ты не замечал.

– Замечал, – подумал Аббад, – но не должен был...

– Кто она?

– Тали! – Аббад не мог больше выдержать игры, которую придумал, чтобы уберечь любимую от неизбежной горечи расставания. – Ты прекрасно знаешь: у меня нет и не может быть другой женщины!

Он снял защиту, которую выстраивал долгие месяцы – с

тех пор, как почувствовал в себе...

– О! – сказала Тали. – Это...

– Осторожно, – сказал Аббад. – Держись за мои мысли, я поведу тебя.

* * *

– Нет, – сказал Сатмар, – Тали не возвращалась, она все еще была в Сентти. Она любит тебя. А ты, конечно же, любишь ее. Резонанс разрушить невозможно, тебе нужно было придумать другую отговорку.

– И вы бы...

– Да, ты не сумел бы скрыть, верно. Но то, что ты... вы с Тали... придумали – не лучшее решение.

– Тали сказала...

– Сейчас с ней Асиана и Крамус. Видишь ли, Аббад, любовь – неустранимая связь на всех уровнях и во всех трех мирах. Материальная любовь – это жизнь, дети, работа... Духовная – это сила жить, сила познания. А в нематериальном мире тебя и Тали соединяют идеи, столь же вечные, как Вселенная.

– Мы...

– Да, вы с Тали, конечно, все это знаете. Вы создали другие идеи, идеи разрыва резонанса, но... Понимаешь, Аббад, невозможно убить идею. Материя может исчезнуть из мира, может перейти в духовную форму, и дух может породить

материю, лишь бы сохранялась полная энергия. Можно уничтожить и духовную сущность, тогда она становится нематериальной идеей, а некоторые идеи – большинство, да, – могут стать элементами духовной жизни. В конце концов, материя возникает из идей, проходя духовную стадию. Я повторяю тебе известные истины для того, чтобы ты понял: не бывает полных преобразований. Аббад, ты был прекрасным учеником! Тебе когда-нибудь удавалось полностью, без остатка, использовать идею для создания духовной структуры или полностью исчерпать духовную энергию, создавая материальное тело или явление?

Аббад молчал. Он не задумывался об этом. Просто черпал, просто создавал, пользовался, но действительно...

– Невозможно, – продолжал Сатмар, – без остатка переводить энергии из одной формы в другую. Это универсальный закон. Ты бы узнал и это на собственном опыте. Но ты торопился.

– Да, – подумал Аббад. Верно, он не мог ждать. Разве стал бы он так поступать с Тали, если бы полагал, что у него есть время?

– Всегда что-то остается, – сказал Сатмар. – Ты поставил сильную защиту. Никто из нас не смог пробиться в твой духовный мир. Но в нематериальной своей сути ты не мог не оставить следа – нити, соединившей тебя с Тали.

– В нематериальном? – удивился Аббад. – Там нет ни пространства, ни времени, там не существует связей, подобных

материальным нитям!

– Конечно, – согласился Сатмар. – Но цепочки идей приводят от причин к следствиям и могут вернуть следствия к причинам не менее верно, чем дорожный указатель на пустынном шоссе. Сейчас Тали будет здесь, и я надеюсь, что ты, наконец, снимешь свой панцирь и покажешь истинную причину твоего решения.

Прежде, чем воздух начал густеть, Аббад почувствовал присутствие Тали. Он ощутил прилив вдохновения, избыточный, так и не израсходованный запас духовной энергии их оборванной связи – будто резко распрямилась сжатая до предела пружина, и все мысли, все образы, все загнанные в подсознательное их общие желания, мечты, планы, все это вспыхнуло и едва не сожгло его мозг, едва не заставило Аббада вскричать от мгновенно возникшей и так же быстро задавленной боли. Тали ворвалась в его мысли, она протягивала к нему руки, и он инстинктивно потянулся к ней, не понимая, как он мог... почему придумал именно такой план... да, другого просто не было, но так... нельзя было... Тали, любимая, ты здесь, я всегда была с тобой, Аббад, ты ушел, но все равно что-то осталось, да, я знаю теперь, остались идеалы любви...

Я не могу без тебя, Аббад.

Я не смог без тебя, Тали.

Воздух, как ему казалось, загустел так, что стало почти невозможно двинуть рукой. Конечно, это было лишь ощущение.

нием, осознанием перехода энергий, но как же больно было даже подумать... выдавить из себя мысль... направить...

Стало легко. Аббад вскочил на ноги – посреди комнаты стояла Тали, рядом – Асиана с Крамусом.

– Я не смогла без тебя, Аббад, – сказала Тали. Сказали ее глаза, сказали ее руки, ее мысль прокричала это, и тонкие струйки слов разбрызгались по всей комнате.

Защита рухнула – то, что не получилось у монахов (да и старались ли они?), легко сделала Тали, нарушив данное Аббаду слово.

Осуждать ее?

– Я люблю тебя, Тали, – сказал он.

Не было смысла скрывать это.

Теперь придется сказать монахам правду, и они откажутся помочь.

Он навеки останется с Тали. Это счастье. Он никогда не сможет стать самим собой – это горе, которое невозможно вынести.

– Аббад, – сказал Сатмар, прерывая начавшуюся любовную игру, – теперь тебе нечего скрывать. Да, ты неплохо придумал: назвать неудавшуюся любовь причиной своего решения. Ты не виноват в том, что это не удалось. Ты не знал, что несчастная любовь – оксюморон. Но теперь тебе придется назвать истинную причину. Или... ты передумал и не хочешь больше встречи со смертью?

Слова монаха воспринимались, будто сквозь шумовой

фон: Аббад видел глаза Тали и читал в них все, что она пережила, оставшись одна в темном и безрадостном мире. Он видел ее душу, раскрытую для него, как это было с первой их встречи, он обнял свою Тали, рассказал ей обо всем, что случилось с ним после их расставания, они опять стали единым целым – в духовном мире и в мире идей они слились в одно человеческое существо.

Что говорил монах?

– Простите, – сказал Аббад, и странным образом его голос содержал в себе интонации Тали, это она так растягивала звуки, – простите, Сатмар, я слышал, но...

– Да, мы понимаем, – улыбнулся монах. – Ты уже вернулся из любовного погружения?

– Мы...

– Все в порядке, – сказала Асиана. – Вопрос: ты передумал и больше не желаешь встречаться со смертью?

– Нет, – твердо сказал Аббад. – Я не передумал. Я хочу умереть и прошу вашей помощи.

– Тебе придется назвать истинную причину, – мягко сказала Асиана.

Защиты больше не существовало. Аббад был открыт, как книга, которую можно прочесть от первого до последнего знака и в материальном, и в духовном, и в идейном ее содержании. Однако Аббад сам поднялся на гору. Сам просил помощи. Он должен был сам назвать причину.

– Я почувствовал это в себе сразу после второго посвяще-

ния, — начал Аббад.

* * *

Он почувствовал в себе чужое и сначала не понял, что произошло. Второе посвящение он прошел неожиданно, когда меньше всего ожидал каких бы то ни было перемен. В школе «Зив», где он учился после окончания первой ступени, Аббаду было интересно и легко, у него оказалось много друзей не только среди учащихся — он подружился с керадами, многолапыми пушистыми и не очень умными животными, которые прекрасно чувствовали любое движение его мысли и, не понимая сути, всем существом поддерживали Аббада, часто заставляли его переживать экстаз и, следовательно, взрослеть.

В тот день Аббад играл с приятелями (среди них были и люди, и керады и мысли о будущем, не имевшие воплощения в материальной реальности), устал — скорее духовно, чем физически. Он вернулся в свою комнату и отгородился от мира, хотел отдохнуть перед экзаменом по химии духовно структурированных соединений. Аббад практиковал не полную медитацию (инстинктивно он опасался полностью погружаться в мир идей, боялся, что потеряет, выбираясь оттуда, какую-то часть своей телесной оболочки и останется уродом, чего, конечно, не могло случиться, но он все равно боялся, не умея еще управлять своим страхом), он лишь остановил в

себе поток времени, затемнил пространство – в общем, сделал все, как учили. Обычно достаточно было нескольких минут, и физическая усталость проходила, а мысли расставляли сами себя в порядке очередности.

В тот раз, погрузившись в приятную темноту, Аббад почувствовал, как от пяток к коленям, а потом выше – к животу, шее и, наконец, к голове поднимается странный жар. Утомительный, но, в то же время, возвышенный, поскольку, не обладая материальными энергиями, он раздувался энергиями духовных исканий. Волна жара поднялась к голове, что-то переключила в сознании и схлынула, опять пройдя через шею в грудь, но там и оставшись, заставляя Аббада тяжело дышать, будто в комнате вдруг упало давление. Аббад умел перемещать свое тело в пространстве, у него и сейчас возникло инстинктивное желание оказаться там, где легко дышится – в долине Бирта, например, удивительно красивом месте, где тысячи водопадов создавали уникальное сочетание множества звуков разной высоты и силы. Возникала симфония, которую можно было слушать бесконечно. И воздух там такой...

Перемещения не получилось, а грудь сдавило сильнее. И голос. Чей-то низкий голос произносил слова, которые Аббад не мог понять. И еще смутное желание чего-то, что еще не случилось. Несбывшееся. Не произошедшее.

Будь Аббад в состоянии связывать кванты мыслей в целостные структуры, он понял бы, конечно, что начался про-

цесс второго посвящения, и нужно отдаться потоку энергии, переходившему сейчас из мира идей в духовный, а из духовного – в физический.

Аббад сопротивлялся, и, возможно, из-за его неосознанного сопротивления что-то то ли порвалось в ткани пространства-времени, то ли, наоборот, склеилось не по обычным законам Клавиуса-Коретти, всегда ведь есть статистическая вероятность, погрешность...

Неважно. Это и тогда, и потом казалось ему неважным.

Он ощутил в себе вселенную. Он стал вселенной. Не вокруг себя, а внутри, в себе самом он ощутил движение, излучение, жизнь множества галактик, самых разных – сферических, как его родная Галактика Альбуаза, спиральных, будто закрученных энергетическим вихрем, были галактики и во все бесформенные – заброшенные звездные острова. Галактики собирались в скопления, разбегались друг от друга, а кое-где, наоборот, сталкивались.

Это я? – мелькнула мысль. Это во мне? Конечно, – сказал голос.

Десятка два галактик столкнулись в тишине пространства, и Аббад почувствовал легкий жар на уровне сердца, будто тоненькая игла вонзилась в тело и расплавилась, оставив вместо своей материальной сути гибкую мысль и не понятую еще идею.

Он медленно проплывал, пролетал... почему-то из его лексикона исчезли слова, обозначающие движение в про-

странстве со скоростью, превышавшей скорость света. На его пути возвысилась, поднялась, приблизилась галактика... или это была лишь мысль о... или, возможно, проросшее в его душу стихотворение... нужно успокоиться, иначе он ничего в себе не поймет и не сможет выбраться из этого... этой...

Он летел, плыл, проползал между звезд, погружался в холодные недра туманностей, перехватывал излучение белых карликов и жарких шаров, которые не были ни звездами, ни черными дырами, а представляли собой щупальца идей, проникшие сквозь два мира в это материальное пространство.

Это я, – говорил он себе, и суть всякого явления, всякого движения была ему ясна. Он знал, почему светят звезды, почему они собираются в спирали, и понял неожиданно, что где-то в этой огромной вселенной, на одной из планет одной из галактик в одном из скоплений... в мире, так непохожем на его собственный, но все-таки похожем, как бывают похожи друг на друга братья, разделенные при рождении и никогда не встречавшиеся.

Я – это он? – мелькнула мысль.

Он – кто?

Резкая боль возникла не в нем, конечно, потому что себя он не чувствовал, резкая боль пронзила все пространство, будто натянувшееся, готовое разорваться, лопнуть, вот сейчас... и мир перестанет быть... невозможно... нет...

Что-то вытолкнуло Аббада из собственного подсознательного, заставило его открыть глаза, а уши опять слышали множество звуков – тихий гул компьютера, тиканье часов, чьи-то возбужденные голоса на лестничной площадке, и еще были какие-то звуки, природу которых он не мог определить. Он открыл глаза и понял, что вернулся сон, преследовавший его которую уже ночь. Это был не кошмар, напротив, ему было безумно интересно ощущать себя в мире, который он не мог бы никому и даже самому себе описать словами, потому что слов таких не существовало в природе.

Он потянулся, и образы сна, будто испугавшись света дня за окном, свернулись в клубок и спрятались, сделавшись невидимыми и неосязаемыми. Каждое утро, просыпаясь, он хотел запомнить хоть что-нибудь, знал, что это важно – прежде всего, для работы, это было прозрение, инсайт, но почему-то память подводила, и он запоминал только ощущение, внутреннюю потребность делать то, что он делал.

Он заставил себя встать и поплелся в душ – пустил сначала очень горячую, а потом ледяную воду, мысли чуть прояснились, и ему даже показалось, что он ухватил кончик решения уравнения, того, вчерашнего. Он читал перед сном новую статью Линде в «Физикал ревью леттерс», очень интересный поворот в умозаключениях по поводу теории ин-

фляции.

В комнате надрывался телефон, но ему не хотелось выходить из-под душа, он надеялся, что сейчас вспомнит... Нет, не получалось. Ни сейчас, ни вчера, ни неделю назад.

Наскоро обтершись, он прошел в комнату и схватил трубку телефона как раз в тот момент, когда звонки прекратились. Номер... Да, звонила Дженни, ладно, ей я перезвоню позже, подумал он, все равно вечером встретимся, а сейчас не хотелось бы отвлекаться.

Он выпил кофе, съел вчерашнюю булочку, густо намазав ее айвовым вареньем, и сел к компьютеру. Он не знал, как выйти на решение, но почему-то был уверен, что именно сегодня, стоит только ему увидеть на экране цепочку знакомых символов...

Наверно, это и называют инсайтом, озарением, прозрением. Заменить переменную, проинтегрировать по поверхности, потом сократить и суммировать...

Все.

Решение. Красивое, как миланский собор, прочное, как пирамида Хеопса, – и правильное, как четыре первых постулата Евклида.

Он записал формулу в файл, вывел на экран всю цепочку преобразований и предположений, начав с граничных условий и критериев. Слов для описаний понадобилось совсем немного – не статья получилась, а математическая вязь, именно такой он и представлял себе идеальную статью по

космологии, где все понятно посвященному, специалисту, и совершенно непонятно прочим смертным.

Космология, – подумал он, – не наука об устройстве Вселенной (или вселенных, если быть точным). Космология – это самосознание. Или – самопознание. Извлечение мира из сна. Или – сон мира.

Он вывел статью на принтер, распечатал, но перечитывать не стал – положил восемь получившихся листов сверху на купленную вчера в университетском магазине «Жизнь в Многомирии» Бергсона. Надо будет почитать, но он знал, что не найдет там ничего для себя нового.

Идеальная статья, – подумал он. Только формулы. Посвященный поймет. Или не поймет – если не захочет разглядеть очевидного. Не нужно полагаться на интуицию читателя, будь он лучший в мире специалист по строению Вселенной. У каждого свой взгляд на предмет, и каждый (разве он не убедился в этом на собственном опыте?) в любом, самом, казалось бы, очевидном тексте видит лишь то, что хочет – до тех пор, пока его не ткнут носом, пока не скажут: «Что же ты, идиот этакий, не видишь очевидного?»

Конечно, из формул следует, что плотность темной материи во Вселенной близка к критической настолько, насколько вообще эта величина может быть определена на современном уровне наблюдений. Вообще говоря, темной материи во Вселенной ровно столько, сколько требуется для объяснения ускорения – и столько, сколько нужно, чтобы в любой мо-

мент ткань пространства-времени порвалась, как рвется под руками старое прохудившееся платье: так он порвал, когда был ребенком, старую мамину блузку, самую дорогую для нее вещь, которую она берегла, как... да, пожалуй, как обручальное кольцо, переходившее в семье от матери к дочери. Мама говорила, что кольцо сделано было в семнадцатом веке, а может, и раньше – во всяком случае, его далекой прапрабабке это кольцо подарил на свадьбу прапрадед-пират, а с чьего пальца этот прожженный негодяй снял удивительную по красоте вещь... лучше не думать.

Вот-вот. И сейчас, пожалуй, лучше не думать о том, что каждый прожитый миг может стать последним, и ни от чего земного это не зависит – ни от террористов Бин-Ладена, ни от бандитов из Гарлема, ни от иракской политики президента Буша, ни от болезни, любой, в том числе и той, которой он боится больше всего, боится настолько, что даже мысленно не хочет произнести название, потому что это семейный бич, от этой болезни умерли его дед и отец...

Все. Не думать об этом. Хорошее настроение? С утра у него было замечательное настроение, он закончил статью, да. Правильную статью, где каждая формула следует из предыдущей, доказательства плотно, без малейших зазоров, пригнаны друг к другу.

И где нет последней, заключительной фразы. Вывода. Он побоялся написать. Побоялся за свою научную репутацию. Побоялся, что ему скажут: а это уже фантазия. Не должны

сказать, потому что уравнения правильны, а решение однозначно. Но ведь скажут, нет никаких сомнений. «По-вашему получается, что скорость света не предел скоростей? По-вашему, общая теория относительности неверна в масштабах, сравнимых с размерами Вселенной?»

Верна, конечно. Но тот, кто не хочет понять сам...

Он стоял, прижавшись лбом к оконному стеклу, и смотрел на улицу: в узком дворе играли дети, залезая на горку и скатываясь с нее с громким визгом, а чуть дальше поток машин по-черепашьи двигался, застряв в утренней пробке. Мрачный поток, водители не сигналили, но он мог себе представить, какими словами каждый из них проклинал сейчас дорожную полицию, светофоры, своих собратьев-автомобилистов и, конечно, президента, которого к месту службы доставляют с эскортом полиции или на вертолете – за деньги налогоплательщиков, кстати, то есть, и за его деньги.

И все это – и дети на площадке, и дома, и машины, и президент с эскортом и вертолетом, и Дженни с ее причудами, и он сам с его работой и занудством – все-все-все в следующую секунду перестанет быть в материальном мире, потому что...

Так говорит уравнение.

Так говорит Заратустра. Он слушал эту симфоническую поэму нелюбимого им Рихарда Штрауса в прошлом сезоне в Карнеги-холле, играл Израильский оркестр под управлением Меты. Так говорит Заратустра. Говорит – и все. Слово

сказано. Музыка сыграна. Точка.

В статье он точку не поставил. Понимайте, мол, сами. Пусть кто-нибудь, кто поймет, напишет об этом и станет первым, сказавшим слово. Пусть коллеги расправляются с тем, кто это слово скажет. Не с ним.

В начале было слово. Да? Нет, господа, в начале было число. В начале была формула. Словом мир не сотворишь. Мир нужно рассчитать, иначе... Да, иначе он в какой-то момент – через тринадцать миллиардов лет – попросту развалится, исчезнет, растворится в физическом вакууме...

Хорошо. Он сам скажет, напишет слово и поставит точку. А в редакцию пошлет первый вариант. Если не передумает.

Мальчишки на детской площадке подрались, как голуби у кормушки, и визг стал непереносим, а тут еще и машины начали гудеть – у водителей кончились запасы терпения. Невозможно слушать.

Он вернулся к компьютеру, по темному экрану ползала надпись: «О, Дженни, любовь моя», это сама Дженни и написала, ему бы в голову не пришло. Он надавил на какую-то клавишу, и надпись исчезла, уступив место последнему абзацу статьи, последней – ясной, по его мнению, – формуле.

Он вздохнул. Обо всем надо говорить словами. Да, в начале была формула, было число. Но потом Господь, если это была его работа, все-таки произнес слово. Значит...

«Из приведенных расчетов, – написал он, медленно отстукивая буквы, – с очевидностью следует, что в безразмер-

ных величинах значение плотности темной энергии в наблюдаемой части Вселенной тождественно равно критическому значению космологической постоянной. Следовательно, решение не зависит от времени. Следовательно, разрыв пространства-времени может произойти в любой момент. И этот момент станет последним в существовании Вселенной».

«Нет нужды говорить, — отстукивал он, — о скорости света как максимуме скоростей, поскольку указанный процесс не имеет ничего общего с движением материальных тел — речь идет о разрыве самого пространства-времени.

Как будет выглядеть разрыв (иными словами — гибель Вселенной) для внешнего наблюдателя, если таковой существует? По-видимому, точно так же, как мы сейчас описываем Большой взрыв: рождение новой физической структуры, для которой пространство-время может и не являться необходимым атрибутом. В рамках современных физических теорий не представляется возможным описать будущую вселенную, как нет у нас возможности описать вселенную прошлую»...

Это понятно. Это должно быть понятно каждому специалисту.

А для не специалистов он дописал:

«И чтобы все поняли: каждую секунду, в любое мгновение мир, в котором мы живем, может исчезнуть. Не взорваться, не схлопнуться в сингулярность, а именно исчезнуть: из вакуума мы родились и в вакуум вернемся».

Из праха мы...

Страх смерти. Невозможно жить, зная, что любой миг – этот или следующий, а может, через десять лет или через сто, или через миллион, – может стать последним не только в твоей жизни, но и в жизни Дженни, которая уверена, что доживет с ним до старости и родит ему трех детей, двух девочек и мальчишку, и в жизни Кэрролл, его первой жены, бросившей его накануне защиты и уехавшей куда-то (в Германию, кажется) с любовником, о существовании которого он узнал из ее прощального письма. Он не желал Кэрролл ничего дурного, он действительно оказался плохим мужем, и мысль о том, что сейчас или завтра Кэрролл тоже может отправиться в небытие... это была неправильная мысль, он не хотел думать об этом, но ведь думай или нет...

Человек – даже не пылинка в этом мире. Человек – ничто, живущее на планете, абсолютно не выделенной среди прочих. Если исчезнет Вселенная, если кто-то снаружи сможет наблюдать ее гибель, разве этот гипотетический наблюдатель поймет, что вместе с мирозданием исчезло человечество, так долго шедшее к процветанию, что по дороге забыло о цели своего пути?

Профессор Чейни, кстати, тоже исчезнет. Кто тогда должен будет съесть свою шляпу? Вот ведь завыка: странное получилось, на самом-то деле, пари. Он докладывал о возможном (тогда – еще только возможном, но совсем не обязательном) разрыве пространства-времени, и Чейни в обычной своей пренебрежительно-высокомерной манере сказал с ме-

ста: «Мечник, вы всегда торопитесь с выводами. Если у вас противоречие с Эйнштейном, то подумайте все же, кто, скорее всего, не прав!» «Профессор, – не выдержал он, стоя у доски и от волнения рисуя на ней фломастером кривые треугольники, – послушайте, в уравнениях нет ошибок, с этим вы согласны? Да? Разрыв пространства не является передачей информации, при чем здесь постулат Эйнштейна? Вы же не спорите с Линде, когда он говорит о том, что после Большого взрыва Вселенная за микросекунды раздулась до размеров в десятки миллионов миль!» «Вы не понимаете, Мечник, что это разные вещи? – Чейни не потрудились встать, чтобы его реплику услышали присутствовавшие в зале, а не только докладчик. – С вами невозможно дискутировать, любое возражение вы воспринимаете, как личный выпад. Хорошо, давайте и я по-вашему. Так вот: я готов съесть свою шляпу, если ваша математика – совершенно правильная, не спорю! – имеет какое-то отношение к реальности». «Хорошо, – сказал он, – позвольте, я сам выберу вам шляпу и подберу гарнир».

Если он прав (а он прав!), то, когда это случится, профессор не успеет узнать о том, что оказался побежден в споре.

Пусть все думают, что мир просуществует еще миллиарды лет. Пусть все думают, что...

Невозможно жить, зная, что каждое мгновение...

Но разве не живем мы именно так? Разве не каждое мгновение на голову может упасть кирпич с крыши или самолет

с неба? «Человек не просто смертен, но смертен внезапно». Он прочитал это в романе одного русского автора. Мы живем, понимая, что каждый миг может стать последним, и разве мы об этом задумываемся?

Что изменится от того, что к бытовому знанию добавится чисто абстрактное представление о том, что и Вселенная смертна так же внезапно, и что в любое мгновение, которое станет последним в отсчете времени, исчезнем не только мы, но и эта планета, и звезды в небе, и галактики, и само небо?

Он бросил листы бумаги на стол, они тихо спланировали и улеглись друг на друга причудливым образом, будто лепестки странного цветка, вроде маргаритки, по которой можно погадать о будущем, которое наступит... или не наступит... «будет, не будет, погибнем, будем жить»...

Всегда, сколько себя помнил, он воспринимал жизнь, как мгновение, то самое настоящее, что не имеет длительности – будущего еще нет, прошлого уже нет. И потому он жил в постоянном страхе, что хрупкое настоящее исчезнет тоже. Должно быть, к нему относились, как к человеку немного не в своем уме, а когда он занялся космологией, наукой, где, по его мнению, имели смысл два понятия: «настоящий момент» и «вечность», то после первых же работ кто-то публично назвал его гением, а от гения можно ожидать любых причуд на бытовом уровне. Эйнштейн, говорят, ходил на работу в тапочках, Ньютон колотил своих слуг скалкой...

А он жил в страхе, скрытом от всех, даже от Дженни

и Кэрролл – не хотел, чтобы женщины знали, как страшно ему ложиться спать, подозревая, что утром он может не проснуться. И как страшно ходить по улицам, зная, что существует не равная нулю вероятность падения метеорита, достаточно крупного, чтобы пулей пробить его ничем не защищенный череп. И как ужасно ощущение сдавленности, которое не покидало его в любом помещении – ведь здание в любой момент могло обрушиться, потому что существует не равная нулю вероятность ошибки в расчетах конструкции, не говоря о том, что строительные подрядчики всегда экономят на материалах. А еще он боялся... Он отгонял ненужные мысли, за многие годы он научился делать это так искусно, что иногда и сам забывал, что настоящее эфемерно и преходяще. В такие моменты, как наивно полагали его знакомые, он становился самим собой, а на самом деле терял себя на какое-то время, обычно исчезающее из его памяти.

Он стоял, прижавшись лбом к оконному стеклу, и впервые в жизни ощущал полную внутреннюю гармонию. Он знал, чувствовал с младенческих лет – не только человек живет настоящим, не только для всего живого на планете существует лишь проживаемый сейчас миг, но и для мироздания есть миг реальности – и вечность, в которой от реальности не останется и следа.

Когда? – думал он. В том-то и дело, что никто этого не узнает. «Пока я есть, нет смерти. А когда придет смерть, не станет меня». Он хотел взять эти слова эпитафией к статье

о разрыве Вселенной, но подумал, что редактор все равно попросит эпиграф снять, поскольку у журнала свои традиции, свое представление о связи времен, нелепое, конечно, но разве не на таких нелепостях держится так называемая духовность? Нравственность?

«Пока я есть, Вселенная существует. Когда Вселенная исчезнет, меня не станет».

Телефон затрезвонил так, будто уже наступила последняя секунда бытия. Он быстро поднял трубку.

– Значит, в восемь? – сказала Дженни. – Я звоню, чтобы уточнить, а то ты вчера говорил так неопределенно...

– Постараюсь, – сказал он. – Если ничего не случится.

– Да что может случиться? – привычно возмутилась Дженни. – Ты только не забудь!

– Что может случиться? – так же привычно повторил он. – Конец. Финал.

– Ну да, – сказала Дженни, – ты рассказывал: как это... разрыв пространства. Звучит, будто разрыв селезенки. У одной моей знакомой... она попала недавно в аварию... представляешь, у парня ни царапины, а у нее... и вот привезли Катрин в больницу, а там...

Он положил трубку на стол. Дженни любила рассказывать жуткие истории, приключившиеся, впрочем, не с ней, а с кем-нибудь из ее дальних знакомых. Лишнее доказательство того, что человек, как и Вселенная, смертен внезапно. Он думал о том, нужно ли переписать последний абзац статьи,

сделать его более устрашающим – люди любят, когда их пугают, так они лучше воспринимают...

– Да, интересная история, – сказал он, поднеся трубку к уху точно в тот момент, когда Дженни замолчала. – Извини, мне нужно на работу, мобильный я выключил, он мешает мне думать.

– В восемь, – с нажимом сказала Дженни. – Не забудь.

Память, – подумал он. Это лишь набор знаний о прошедших мгновениях. Как может помочь память, когда речь идет о будущем, которого нет и которое может не наступить?

– Хорошо, – сказал он и положил трубку.

По дороге в университет нужно зайти в магазин Дортмана и купить шляпу для Чейни. Все нужно делать сегодня. «Никогда не откладывай на завтра...» Потому что завтра может не наступить.

Если Вселенная просуществует до вечера, он сделает Дженни предложение.

* * *

– Ты полагаешь, – сказал Сатмар, – что это существо...

– Человек, – поправил Аббад, – это человек. Его зовут Натаниэль Мечник.

– Человек, – наклонил голову Сатмар. – Этот человек, как и мир, в котором он живет, является порождением твоего подсознательного? Это должно быть так, судя по твоему рас-

скажу. При втором посвящении ученик начинает понимать собственные подсознательные устремления и обычно скрытые для сознания связи материи, духа и идей.

– Нет, – покачал головой Аббад. – Этот мир, вселенная, в которой живет Мечник и его цивилизация, все это реально, а не создано моим воображением.

– Конечно, – согласился Сатмар, – мир Мечника не менее реален, чем наш, что не помешало ему возникнуть в результате твоей подсознательной деятельности.

– Да, – помолчав, произнес Аббад.

Монахи поняли, что с ним происходило, и не нужно им объяснять, почему он хочет уйти из жизни... то есть, не хочет, конечно, нужно точнее выбирать слова даже когда не собираешься произносить их вслух. Он не хочет умирать, но разве есть иной способ спасти Вселенную... одну из множества, но все равно Вселенную с большой буквы, потому что для Мечника это единственный мир, какой он знает, единственная реальность, которая может исчезнуть... если монахи не помогут Аббаду выполнить задуманное.

Он не станет произносить слова вслух, защиты больше нет, пусть монахи сами...

– Ты сумела преодолеть резонанс? – обратился Сатмар к Тали. – Мы не предполагали, что такое возможно.

– Да, – сказала Тали. Она не привыкла говорить вслух, и потому слова были отделены друг от друга, как камни на морском берегу, и так же медленно перекатывались под на-

пором волн мысли. – Мы. Аббад и я. Любим. Друг друга. Не всем это дано. Не у каждой женщины получается. Мы могли иметь детей. Но. Есть состояния... Процессы... Которые. Сильнее.

– Какие же это процессы? – с любопытством спросила Асиана, потому что Тали замолчала.

Что вы делаете? – думал Аббад. – Вы можете прочитать. Почему вы ее мучаете?

Тали должна ответить сама, – метнул мысль Крамус, – не мешай. Это важно.

– Долг, – сказала Тали. – Необходимость. Выбор.

Я не могу говорить об этом вслух! – крикнула она.

Хорошо, сказал Сатмар. Не говори вслух. Долг сильнее любви?

Да.

Ты останешься одна. Тебе будет невыносимо тяжело. Так тяжело, что ты тоже пожелаешь смерти, но тебе мы не сможем помочь. Никто не сможет помочь тебе уйти, пока ты не прошла даже первого посвящения, пока у тебя еще нет общности со всеми тремя мирами – материальным, духовным и идеальным. Ты навсегда останешься такой, как сейчас. Вечно. С твоей не проходящей болью.

Да.

– Скажи это вслух.

Слова повисли в воздухе тонкой серой лентой, протянувшейся из угла в угол: «Скажи это вслух скажи это вслух ска-

жи это вслух скажи»...

– Да, – сказала Тали, ощутив слабость в ногах, будто вся ее энергия ушла на короткое простое слово.

Монахи переглянулись. Хотел бы я знать, о чем они сейчас разговаривают, подумал Аббад, не пытаясь уже скрывать ни свои мысли, ни желания, ни тревогу свою, ни грусть, ни любовь к Тали, как бы это чувство ни называлось на физическом жаргоне.

Вы должны мне помочь, молил он, полагая, что всякая его мысль становится известна старшим прежде, чем он успевает додумать ее до конца. Нет времени. Совсем нет времени. Да, он виноват. Только он и никто больше. Он медлил, а в это время энергия его подсознательных эмоций, энергии его необдуманных решений, энергии идей, приходивших ему в голову, энергии его споров и мысленных столкновений с реальностью переливались во Вселенную Мечника, заполняли ее, заставляли расширяться быстрее и уже так ее наполнили, что разрыв стал неизбежен, мог произойти в любой момент... сейчас, когда монахи медлят...

И если Вселенная Мечника погибнет...

– Каждый человек, – сказал Сатмар, – это целая вселенная. Каждый. Каждый создает себе мир – после второго посвящения это неизбежно. Возникая в подсознании из кокона собственной идеи, мир этот расширяется, создавая пространство-время нашей памяти. Разве ты один ощущаешь в себе вселенную?

– Личная вселенная есть у каждого. Конечно. Но в моей Вселенной возникла разумная жизнь. Разве таких вселенных много?

– Нет, – сказал Сатмар. – Твой опыт – единственный в своем роде.

– Я в долгу перед разумом, который создал. Они мыслят, как мы. Они материальны. У них есть душа. Идеи. Да, это моя внутренняя Вселенная, и потому материя там отделена от духа, а дух – от порождающих идей. Они не могут создавать материальное из духовного, не могут конструировать идеи из материи и материю из мысли. Этого они лишены. Но они живут, страдают, любят, и для них любовь не равнозначна физическому резонансу, они не достигли этого понимания, и, наверно, в том их счастье.

Почему-то Аббаду стало легко произносить слова вслух, звуки соединялись и создавали гармонию, в воздухе комнаты зазвучала музыка, которую Аббад никогда не слышал – его музыка, музыка его души.

– Они ощущают себя, но что они знают о Вселенной, в которой возникли? Для них я – Создатель, Бог...

– Бог, – повторила Асиана. Слово взлетело знаком вопроса и застыло, покачиваясь, под самым потолком.

Аббад проследил взглядом за конструкций, которую создала Асиана, и сказал:

– Нет, не так. Создатель для нас – такое распространенное понятие, что не требует не только объяснений, но даже

название является лишним, достаточно внутреннего понимания. А для них... для тех, кто живет на планете, которую они называют Землей... для них Создатель, Творец, Бог – это высшая сила, абсолют, нематериальная сущность, обладающая бесконечными возможностями и бесконечной мудростью. Бог всемогущ и всеведущ. Бог создал их мир из хаоса. Бог следит за каждым из них. Бог дал им свободу воли. Они молятся мне. Молятся – понятие, для нашего мира не знакомое, молитва существует лишь во мне, в них, это то, что нас связывает, и то, что нас разделяет...

– Значит, – сказал молчавший до сих пор Крамус, – они все же способны переводить материальную мысль в духовную форму? Разве не это является сутью молитвы, судя по твоему описанию?

– Нет, – покачал головой Аббад. – Три мира разделены для них, и лишь я, ощущая призывы, могу помочь кому-то время от времени пересекать эти границы.

– То есть, без тебя они... – начала Асиана, но Аббад перебил ее, потому что она коснулась самого сокровенного, и он не мог позволить ей произнести фразу до конца, сообщить кощунственной для него мысли атрибут материальности, с которым потом трудно будет что-то сделать.

– Нет! – воскликнул он, и трое монахов направили на него осуждающие взгляды, от которых решимость Аббада начала испаряться, как вода под лучами Аргидды.

– Нет, – повторил он, справившись с нападением, кото-

рое было естественной реакцией на его слова, нуждавшиеся в объяснении. – Все наоборот! У каждого есть своя внутренняя вселенная, но в моей возникли они, разумные, и для них я стал Богом, на которого можно надеяться, которому можно молиться, чтобы он совершил вместо них то, что они сами совершить не в силах... С этим я еще мог смириться, я не вмешивался, лишь чувствовал в себе их духовную жизнь и наблюдал за жизнью материальной. Но сейчас...

Аббад запнулся, он хотел описать словами то, что почувствовал, когда понял: темная энергия заполняет созданный им мир. Он полюбил Тали, возник резонанс, ощущение счастья, бесконечного и неостановимого. Он стал лучше и решил: все темное, что было в нем, исчезло, растворилось в бесконечном пространстве идей, он радовался этому, как мальчишка, впервые ощутивший способность перемещаться между звездами и галактиками. Тали была рядом, они были вместе... а его темная энергия заполняла внутреннюю Вселенную, заставляла ее расширяться быстрее и вела к трагедии.

– Когда я это понял, – сказал Аббад, – было поздно что бы то ни было предпринимать.

– Ты Бог своего мира, – с оттенком удивления произнес Сатмар. – Ты всемогущ и всеведущ. Что значит – поздно? Ты можешь перекачать свою темную энергию...

– Не могу, – мрачно сказал Аббад. – Для них я Бог, но вы-то знаете, что я еще не прошел высшего посвящения и...

– Да, – с сожалением сказала Асиана. – Это верно.

– Верно, – с сожалением произнес Сатмар. – Ускорить третье посвящение невозможно.

– Невозможно, – подтвердил Крамус. – Ты прав: закон сохранения энергий Тиуса-Лонгера не позволяет. Значит...

– Значит, – заключил Аббад, – есть лишь одна возможность спасти этих людей. Их Вселенную. Значит, мое решение правильно, и вы с ним согласны. Я должен умереть.

– Бог не может умереть... – это была мысль Тали, с трудом различимая в перенасыщенном рассуждениями воздухе комнаты.

– Я должен умереть, – повторил Аббад. – Мое материальное тело исчезнет из мира, моя материальная энергия соединится с духовной и рассеется в пространстве идей. Тогда и темная энергия из моей Вселенной вернется к начальному состоянию – согласно упомянутому закону сохранения Тиуса-Лонгера.

– Ты прав, – сказал Сатмар.

Я прав, – подумал Аббад. Нет другого выхода. Нет альтернативы, если он хочет спасти Натаниэля Мечника и его уродливый, безумный, страстный, неповторимый, радостный мир.

Так получилось. Бог должен умереть, чтобы созданные им творения продолжали жить.

– Бог должен умереть, – медленно проговорил Сатмар, прочитав, конечно, простую мысль Аббада. Он перевел

взгляд на Тали, которая стояла в стороне от скрещения слов. Ее настроения и желания были монахам понятны, Сатмар лишь кивнул, ощутив стремление девушки поступить так, как нужно ее любимому.

Аббад так решил. И я могу только сказать «да».

– Без вашей помощи, – произнесла Тали вслух, – Аббад не сумеет выполнить задуманное.

Тали хотела думать «нет, нет»... но из пространства идей, где ее связь с Аббадом была неразрушима, проецировалась только одна мысль: «да, да, да»...

– И не осталось времени на раздумья, – добавил Аббад. – В любое мгновение моя Вселенная может исчезнуть.

– Велика ли беда, – пожал плечами Сатмар. – Создашь другую, в Большом взрыве родится новая...

– Нет! – воскликнул Аббад и шагнул, пересекая грань, отделявшую его от монаха.

– Простите, – пробормотал он, отступая, и добавил, тщательно артикулируя, как того требовал ритуал на этой, последней, как ему казалось, стадии разговора: – Новая вселенная возникнет в Большом взрыве, когда разорвется Вселенная Мечника. Но человек погибнет... Человечество. Семь миллиардов разумных. Таких, как мы.

– Таких, как мы, – повторил Сатмар, сомневаясь.

– А если ты умрешь, – продолжил он, – эти существа... люди... получают полную, ничем не ограниченную свободу воли.

– Они и сейчас... – попытался Аббад вставить слово.

– Нет! – воскликнул Сатмар. – Сейчас они обладают свободой воли лишь в тех пределах, какие допускают физические законы связи твоей внутренней Вселенной с внешним миром твоего «я». Сейчас – и ты это понимаешь – они ограничены в своей свободе выбора векторами добра и зла, ты дал им законы нравственности, записанные в книге, которую они называют...

Сатмар вопросительно посмотрел на Аббада. Он знал, конечно, как называли люди Книгу книг, монах ориентировался в ментальном пространстве юноши не хуже самого Аббада, но хотел полной ясности.

– Просто Книга, – сказал Аббад. – Библос – на одном из их языков. На другом – Тора, Учение.

Сатмар сделал неопределенный знак рукой.

– Когда... если ты умрешь, темная энергия вернется из их мира и будет, как вся твоя духовная энергия, распылена и обратится в тепло. Тебе известны законы сохранения, верно? Вселенная Мечника продолжит расширяться, не разгоняясь, а человеческий род на планете Земля получит истинную, ничем не ограниченную свободу выбора. Ту свободу, о которой... извини, я вижу в твоих мыслях... да, один их писатель сказал: «Если Бога нет, то все дозволено». Они получают свободу от морали, которая у них есть, пока ты направляешь их эволюцию. В результате, убив себя, ты дашь своим творениям лишь временную отсрочку. Они все равно погу-

бят...

– Нет, – твердо сказал Аббад. – Вы, монахи, видите сейчас всю мою суть. Значит, и мою Вселенную видите тоже.

Сатмар кивнул, подтверждая.

– Значит, – в отчаянии воскликнул Аббад, – вы видите, что ожидает человечество, если я не умру, и моя темная энергия...

Он захлебнулся словами, которые рвались из его горла, опережая друг друга. Посмотрите сами, думал он. Если вам недостаточно моего свидетельства, прислушайтесь к Мечнику, к его мыслям, его разуму...

* * *

– Ты обещал повести меня в «Катрину», – капризно произнесла Дженни, взяв Натаниэля под руку. – Не хочу сегодня в кино.

– Хорошо, – сказал Натаниэль, подумав о том, что обещал самому себе сделать Дженни предложение, если мир существует до вечера. Вечер настал, душный, пропитанный множеством неприятных запахов, и если Натаниэль честен с самим собой... При чем здесь честность, он ведь действительно хочет... И слово себе дал только потому, что в любом случае собирался предложить Дженни...

– Нам нужно серьезно поговорить, – сказал Натаниэль, – а в «Катрине» такой шум, что самого себя не слышишь.

– В кино тоже, – сказала Дженни и заглянула Натаниэлю в глаза, пытаясь прочитать во взгляде если не мысли его, то хотя бы намерения. – Может, поедем ко мне?

– Хорошо, – согласился Натаниэль, хотя предпочел бы вести важный для него разговор на своей территории. Но ведь Дженни сразу примется за уборку, это ясно: посуда у него не мыта, грязное белье свалено кучей в шкафу, а не сложено аккуратно в бельевой корзине, да еще полное ведро мусора, уже и крышка не закрывается, очень милая обстановка для того, чтобы говорить с девушкой о совместной жизни.

Дженни снимала двухкомнатную квартиру в Южном Бронксе. Всякий раз, когда Натаниэль бывал здесь и, особенно, когда оставался на ночь, он чувствовал, как в его душе или в том, что психологи называют подсознательным, что-то определенно сдвигается с привычных мест. Ему казалось, что он теряет самого себя и на время становится другим человеком – он не мог определить, каким именно, и потому чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Странно, но тот Натаниэль, каким он становился, входя в квартиру Дженни, ему нравился, он готов был оставаться в этом непривычном качестве, но ему не хотелось раздвоенности, и он старался все же чаще приводить Дженни к себе и позволять ей наводить в его квартире хотя бы временный и весьма относительный порядок – порядок, конечно, в ее женском понимании.

– Я приготовлю стейки, – сказала Дженни, – а ты пока посмотри телевизор.

Обычная фраза, так всегда начинались их вечера – и заканчивались всегда одинаково. Сегодня все может пойти иначе. Если Дженни скажет «да»... Она, конечно, так и скажет, какие могут быть сомнения? Тогда они откроют бутылку шампанского, оставшуюся еще с прошлого Рождества, и отправятся в постель, не дожидаясь окончания передачи «Вечер с Риччи Карпани», которую Дженни обычно смотрит перед сном – и действительно, Натаниэль сам убедился, после тупых шуток этого клоуна спится особенно сладко, и сны снятся такие... ну, какие-то интересные, снов Натаниэль не запоминал, только ощущения.

И всего этого может не быть, если именно сейчас темная энергия разорвет, наконец, ткань пространства-времени, и они с Дженни исчезнут, станут физическим вакуумом. По закону подлости так вполне может случиться.

Не говорить Дженни об этом? Лучше умереть в неведении, чем жить в ожидании конца?

Но если быть честным...

Он так и не включил телевизор, сидел перед темным экраном и разглядывал линии и круги на обоях – причудливый узор, всегда помогавший ему сосредотачиваться на нужной мысли, хорошее средство при медитации.

– Нат, – крикнула из кухни Дженни, – иди ужинать!

В ее голосе звучало напряжение, или ему это показалось? Конечно, она все время думала о его словах – что он хотел ей сказать? То, на что она рассчитывала? Или «важный раз-

говор» – это, как часто бывало, рассказ о его новой теории или о семинаре, на котором он выступил?

Он прошел в кухню – здесь все было особенным, Натаниэлю всегда казалось, что он входит не в другую комнату той же квартиры, а в иной мир, иную ветвь мироздания, где и сам в очередной раз становится другим. Это был мир Дженни – особые запахи, присущие только этой кухне, особая мебель, сделанная на заказ в маленькой мастерской на Сто восьмой улице. И посуда была особенной, тщательно отобранной на протяжении десятка лет. После того, как Дженни переехала из Финикса в Нью-Йорк и стала работать в Центре дизайна у самого Альфреда Барстена, она каждый предмет, который приносила в свою квартиру, соотносила с какими-то своими внутренними представлениями о гармонии, своей внутренней жизненной структурой, не всегда Натаниэлю понятной.

– Господи, как хорошо, – сказал он, опускаясь на табурет, купленный на ярмарке, организованной по случаю то ли Дня благодарения, то ли Дня всех святых. Табурет выглядел простым – четыре ножки и сидение, – но почему-то, сидя на нем, Натаниэль ощущал покой, не нужно было никаких медитаций: садишься и проваливаешься в nirvanу, а если еще Дженни ставит перед тобой тарелку с прожаренным, с изумительной подливкой, мясом, которое она только что сняла с огня...

– Почему ты называешь это стейками? – спросил он. – Стейки в моем понимании...

– Да, – улыбнулась Дженни, сев рядом, так, что ее нога легко коснулась его колена. – По-твоему, стейк – это полуфабрикат? Я могу прочесть тебе лекцию о том, что такое настоящий стейк.

– Не надо лекций! – воскликнул Натаниэль и, наклонившись, поцеловал Дженни в щеку. – Я вижу перед собой настоящий стейк и намерен его уничтожить. И еще я...

Он на мгновение запнулся, подумав о том, следует ли начать разговор сейчас или лучше подождать, пока ужин закончится и они перейдут в гостиную, где на журнальный столик Дженни поставит чашечки из кофейного сервиза...

– Да? – спросила она, подняв на Натаниэля взгляд, в котором он, если бы умел читать в чужих душах, смог бы уже сейчас разглядеть ответ на еще не заданный вопрос.

– И еще, – пробормотал он, отправляя в рот маленький кусочек мяса, облитого соусом, это тоже было частью ставшего привычным ритуала: первый кусок должен быть маленьким, как и первая ложка, если Дженни готовила суп, – нужно распробовать, прочувствовать аромат, войти в еду, какходишь в сад...

– И еще, – сказал он, нарушая заведенный порядок, – я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. То есть, это мое желание, да, но без твоего оно всего лишь... я хочу сказать, что тут решают двое, а ты еще не знаешь всех обстоятельств и потому не можешь пока сказать точно...

– Я могу сказать совершенно точно, Натаниэль Мечник, –

произнесла Дженни, положив вилку и отодвинув тарелку, – что намерена выйти за тебя, даже если ты не закончишь свое предложение, потому что не знаешь, после какого слова поставить точку.

– Обстоятельства...

– Мне надоело зависеть от обстоятельств.

– Ты не понимаешь!

– Я все понимаю. Ты привык к определенному образу жизни и не хочешь вылезать из своей скорлупы. Ты боишься, что я начну наводить свои порядки в твоём...

– Этого я не боюсь! – воскликнул Натаниэль. – Наоборот, я... Подожди, дай мне сказать. Понимаешь, Дженни, обстоятельства таковы, что наш мир... все это: ты, я, Земля, Солнце, звезды, галактики... в общем, все мироздание прямо сейчас, в эту секунду, а может, завтра или через неделю, но очень скоро... обратится в ничто, перестанет существовать в пространстве-времени, и нас не будет, мы исчезнем, именно исчезнем, потому что плотность темной энергии в точности равна критической и...

– Не надо так волноваться, – спокойно сказала Дженни, придвинулась к Натаниэлю и положила голову ему на плечо. – Мы вместе, верно? Я сказала «да», и теперь мы вместе, сколько бы нам ни осталось.

– Резонанс, – пробормотал Натаниэль.

– Что?.. Да, наверно. Съешь стейк и хотя бы сегодня не думай о своих теориях.

– Мир может исчезнуть сейчас...

– Не может, – уверенно сказала Дженни. – Пока мы вместе, ничто никуда не исчезнет. Послушай, Нат, я тебя не понимаю: ты всегда говорил, что невозможно точно определить всякие там астрономические числа, да? Я правильно запомнила? Когда говорят, что до звезды сколько-то световых лет, то на самом деле может быть вдвое больше или меньше. Если мироздание должно исчезнуть, то почему сегодня, а не через тысячу веков? Нам с тобой и одного века хватит, так что ешь мясо и...

Конечно, он говорил ей все это. Она запомнила, молодец, бьет его же оружием.

– Я сумел ввести в уравнения... неважно, долго рассказывать. Нет, уравнения ни при чем. Я просто знаю, понимаешь? Это внутреннее ощущение. С тобой бывает такое: никто тебе не говорит, но ты точно знаешь, что именно этот предмет тебе нужен. Табурет, на котором я сижу – ты сама говорила, что посмотрела на него и поняла: да.

– Да, – сказала Дженни, теснее прижимаясь к Натаниэлю. – Два года назад в магазине Батлера я посмотрела на парня, выбиравшего диск, и поняла: да. Я подумала, что сейчас он поднимет взгляд... посмотрит... и подойдет ко мне, чтобы сказать: «Простите, мы с вами знакомы?». Ты поднял взгляд, посмотрел на меня удивленно, подошел и сказал: «Простите, мы знакомы?».

– Вот, – сказал Натаниэль. – Ты знаешь, что тебе нуж-

но в жизни. Просто знаешь. А я с некоторых пор просто знаю, что происходит с мирозданием. Не спрашивай – откуда. Это внутреннее ощущение, оно тебе знакомо. Уверенность. Раньше я пытался описать мир уравнениями, а с некоторых пор пишу уравнения, зная решение. Все наоборот. Будто весь этот мир... как тебе объяснить, если я и сам не могу понять... Ощущение, будто весь мир, Вселенная – это часть меня, я ощущаю далекие галактики так, как чувствую сердце или ногу, понимаешь? Я не сошел с ума...

– Конечно, – быстро сказала Дженни, – и не думай об этом.

Натаниэль повернул голову и поцеловал Дженни в губы. Я просто знаю, – подумал он. Я даже мог бы назвать имя того, кто... Это не Бог, я не верю в Бога, создающего мир по своему желанию, это не Бог, это человек, как ты и я, только он... Он создал нас по своему образу и подобию, он хочет нам помочь, но у него не получается, потому что он не Бог, и поэтому Вселенная исчезнет, темной энергии в ней слишком много...

Дженни не думала ни о чем. Она просто чувствовала, что Нат прав. Ей было все равно, что станет с миром через минуту. Она жила сейчас. Она сказала «да». И все. Сейчас – да. А через минуту – или будет счастье, или не будет ничего. И это правильно. Если нет счастья, то зачем все?

Это было так неожиданно, – думал Натаниэль. – Я шел вечером по университетскому парку, тяжелые тучи давили на

психику, настроение было поганым, и вдруг... Я будто поднялся над тучами и увидел Землю сверху... и себя, стоявшего, задрав голову. Я смотрел в свои глаза, и взгляд многократно отражался от самого себя, как в бесконечных зеркалах. Я увидел Вселенную такой, какая она на самом деле. Это было не знание, а ощущение, но оно стало уверенностью, потому что энергия чувств перелилась в энергию знаний, закон сохранения это позволяет...

Нет такого закона. Это он сказал себе, вернувшись. Он стоял, прислонившись к дереву, ноги не держали его, и Натаниэль вынужден был обнять ствол обеими руками, чтобы не упасть. Нет такого закона в физике. Но он знал. Он читал о том, как приходит к человеку откровение. Смысл. Что-то вспыхивает внутри... Он не думал, что это может случиться с ним.

Он подождал, пока перестанут дрожать колени, и побрел к кампусу, где стояла его машина. Тучи почему-то рассеялись, закатное солнце мрачно заглядывало в глаза, а он знал: скоро. Может, завтра. Или через неделю. И ничего не будет.

Наверно, так пророки ощущали будущее. Не понимали, не могли описать, просто знали.

– Нат, – сказала Дженни, оттолкнув его, потому что губы стали вдруг горькими, – ты сделал мне предложение, но так и не сказал... не сказал...

– Я люблю тебя, – выдохнул Натаниэль. – Дженни, я тебя люблю.

– Ну вот, – улыбнулась она. – А ты говоришь: мир погибнет. Я тоже люблю тебя, Нат.

* * *

– Все верно, – сказал Сатмар. – Или ты, или они.

Тихий вздох наполнил комнату, как песня, услышанная издалека. Это Тали, – подумал Аббад, – пожалуйста, ты не должна...

– Они справятся, когда меня не будет, – подумал Аббад. – В их мире любовь – обычное дело. Не резонанс, такой же редкий, как явление сверхновой, но... просто любовь.

– В их мире есть ненависть, – сказал Сатмар.

– В их мире есть дружба, – твердо произнес Аббад, – альтруизм, желание делать добро.

– И гораздо больше эгоизма и зла.

– Нужно дать им шанс, – упрямо сказал Аббад. – Они должны выбрать. Сами. Без меня.

– Это твое окончательное решение? – спросил Сатмар.

Аббад перевел взгляд на Тали. Нет, говорила она, думала, призывала, просила.

– Да, – сказал он.

Сатмар кивнул. Асиана покачала головой. Крамус отвернулся.

За время разговора из-за горизонта поднялись Эрон, Гирда и Капринаут, и цвета изменились – воздух стал розовым и

струился, подогреваемый более жестким излучением Гирды, в комнате стало теплее, но Аббад почему-то ощутил озноб, и свет казался ему не таким ярким, как обычно. Смерть, подумал он. Да, я решил, но как же... Меня не станет. Меня.

Это так, молча сказал Сатмар.

Не уходи, молила Тали, сцепив пальцы и с трудом сдерживаясь, чтобы не ворваться в его мысли, не расшвырять в них все, что было еще связано с их общей памятью.

– Ты решил, – сказал Сатмар, и голос его прозвучал, будто громopodobный удар, наверняка его было слышно на равнине, а может, в городе и на континенте Тирд. Голоса монахов изредка доносились с вершины, Аббад слышал их далекие раскаты, когда бывал в столице и думал тогда: в Монастыре принимают решение. Что-то менялось в мире.

– Мы поможем тебе умереть, – спокойно произнес Сатмар. – Готовься.

– Когда? – спросил Аббад. Он не должен был спрашивать. Не удержался.

– Сейчас, – сказала Асиана. – Ты сам утверждаешь: нет времени ждать.

– Что я должен сделать? – спросил Аббад.

– Попрощайся с Тали, – сказал Сатмар. – Нам придется разорвать ваш резонанс, иначе ничего не получится. Тали тоже станет свободной. Память о тебе не будет кровоточить.

– Я не...

– Ты тоже решила, – напомнила Асиана. – Пожалуйста,

покинь нас.

– Тали, – прошептал Аббад. Они протянули друг к другу свои мысли, ощущения: я буду помнить тебя, не печалься, помни меня таким, какой я сейчас, я буду тебя любить, не надо, ты должна жить, я все равно... да, я знаю... я люблю тебя, Аббад... я люблю тебя, Тали... Дженни, я люблю тебя... Аббад, что ты говоришь?.. Прощай.

– Все, – сказали монахи.

И Тали не стало. Аббад не знал, впервые не имел ни малейшего представления о том, куда она ушла.

– Ты готов? – спросил Крамус.

– Он готов, – вместо Аббада ответил Сатмар.

– Тогда здравствуй, Аббад, – приветливо проговорила Асиана.

Мир взорвался.

* * *

Они лежали, обнявшись, смотрели друг другу в глаза и улыбались. Натаниэль знал, что Дженни улыбается, но не мог этого видеть, потому что лицо ее было серьезным, а глаза казались грустными.

– Мне еще никогда не было так хорошо, – сказал он.

– Мне тоже, – прошептала Дженни.

– Я люблю тебя...

– Я тебя люблю, Нат...

– Знаешь, – сказал он, – по-моему, любовь – это резонансное состояние душ, когда один плюс один равно не двум, а миллиону. Если ты понимаешь, что я хочу сказать...

– Понимаю. Конечно, понимаю.

– Я вдруг почувствовал себя совершенно свободным. Странно, да? Когда я был один и мог делать все, что хотел, мне казалось, что я связан множеством условностей, и даже твое присутствие чем-то меня стесняло, а сейчас, когда мы вместе и меньше стало степеней свободы, я чувствую себя свободным, как никогда прежде. Странно?

– Нет. Я тоже... Я знаю, что могу все. Все-все. Что хочу. Именно потому, что мы вместе. Ты больше не думаешь о том, что... ну, про эту темную энергию? О том, что мир может в любой момент...

– Глупости, – сказал Натаниэль. – Наверняка я ошибся в уравнениях. Чейни был прав. Не будем сейчас об этом. Бога больше нет, и значит, Бог теперь в нас самих.

– Что ты сказал? Я не поняла.

– Не знаю. Вдруг подумалось. Я люблю тебя.

– Я тебя люблю.

Рассветало.

* * *

Аббад стоял над мирами. Он так ощущал свое состояние – высоко-высоко над его головой множеством звезд, собрав-

шихся в неразделимый шар, светила его родная Галактика, а низко-низко, под ногами, мчались во времени, неожиданно застыв в пространстве, миры, похожие на его собственный, но другие. Неотделимые от него, но иные в своем воплощении. Миры множились с каждым мгновением, Аббад, не глядя, узнавал каждый – вот мир, в котором он не встретил Та-ли и жил анахоретом, воображая, что резонансные отношения между мужчиной и женщиной – теоретическая абстракция. А вот мир, в котором он не прошел первого посвящения и жил среди множества таких же обделенных судьбой мальчиков, не умевших даже игрушки создавать из собственных неоформленных желаний. Вот мир, где он после второго посвящения стал погонщиком звезд – то была его детская мечта, и он осуществил ее: перетаскивал звездные шары с орбиты на орбиту, формируя галактические цепочки, связанные друг с другом не материальными силами тяготения, а жесткими ограничениями придуманных им идей. Вот мир, где он стал художником и рисовал мыслью почти невидимые картины, передавая на тончайшей пленке светлой радости собственные ощущения крутизны гор и обрывов, восторга закатов и прелести шепота младенцев.

Были еще миры... и еще... он перестал их считать, дойдя до трех миллиардов.

Все эти миры были реальны, и во всех был он, Аббад, с иной судьбой, иной жизнью, и каждый из его миров что-то менял в нем.

Он перестал ощущать собственное тело — свои тела во всех ветвях своих многочисленных жизней. Он стал мыслью о вечном, а потом и мысль исчезла, вся его энергия перелилась в пространство идей, и он узнал все обо всем.

Он стал собой.

Он поднялся на высшую ступень посвящения.

Он умер.

* * *

Аббад стоял посреди комнаты, раскинув руки и положив ладони на плотные воздушные подушки, не позволявшие телу упасть, потому что ноги самым тривиальным образом не держали его, и пол притягивал так, будто под ним была сильнейшая гравитационная аномалия.

Он был один. Из всех окон на Аббада смотрел лик Кейдона, голубой звезды, мимо которой планета должна была пролететь три цикла спустя после того времени, когда Аббад начал подъем к Монастырю. Неужели он так долго...

Да. Теперь он знал все, знал и это.

— Я готов, — сказал он вслух, и перед ним появились монахи: Сатмар, Асиана, Крамус и еще двое.

— Керет, — сказал один.

— Реона, — сказала другая.

— Здравствуйте, — сказал Аббад.

— Здравствуй, монах, — сказали они.

– Я не умер, – констатировал Аббад. – Я стал одним из вас.

– Да, – подтвердил Сатмар, подойдя к Аббаду и сняв его руки с воздушной подушки. Стало легко.

– Вы знали это, когда я только начал подниматься...

– Конечно. Ты был не таким, как все. Именно потому в твоей Вселенной возникла разумная жизнь. Точнее, именно потому ты сумел создать разум и смог, в конце концов, дать ему свободу.

– Я знаю все обо всех мирах, – сказал Аббад, – но больше не чувствую в себе Мечника.

– Естественно, – улыбнулся Сатмар. – Ты дал им полную свободу воли. Твоей темной энергии больше нет в их Вселенной. Ты отпустил свой народ.

– Бога больше нет, и значит...

– Они решат сами.

Смогут?

– Теперь ты один из нас, – сказал Сатмар. – Монахи не создают миры, мы лишь помогаем вселенным находиться в гармонии друг с другом. Миры ветвятся, каждое желание, каждая мысль человека рождает новые вселенные, связанные материальными, духовными и нематериальными энергиями, и если бы не наша работа, работа монахов, миры постоянно сталкивались бы, противоречия множились бы, люди из одного мира оказывались бы в другом, возник бы хаос... Нас мало, к сожалению. Редко кто поднимается на третью ступень посвящения, чтобы прийти к нам. Только те, кто

предпочитает умереть. Как ты.

– Вы знали... – пробормотал Аббад.

– Ты бы не дошел до Монастыря, если бы мы не знали цели твоего к нам прихода, – сказал Сатмар.

Аббад вспомнил, как чуть не сорвался со скалы, поднимаясь в гору.

– Вы знали, – повторил он.

– Мы следили за тобой с твоего первого посвящения, – объяснил Сатмар. – Ты – один из нас.

– Я – один из вас, – сказал Аббад.

Тали, подумал он.

Он не стал спрашивать о том, что знал теперь сам.

– Давай займемся комплексом вселенных Альдорры, – деловито сказал Сатмар. – И довольно сотрясать воздух словами. Мысли и идеи менее энергозатратны.

Тали, подумал Аббад. Натаниэль и Дженни.

Как я буду без вас?

Друзья, – подумал он, – я готов.

* * *

– У меня такое ощущение, – сказал Натаниэль, повернувшись к Дженни и поцеловав ее в закрытые глаза, – будто я только что родился заново. Такой свет внутри... Я не могу тебе объяснить...

– И не надо, милый, – прошептала Дженни, прижимаясь

к Натаниэлю. – Не надо ничего объяснять. Мы вместе, да?

– Вместе, – подумал Натаниэль, а может, произнес вслух, это не имело значения, он знал, что Дженни его слышит и понимает.

– Конечно, – подумала Дженни.

Солнце взошло.

Библиотекарь

Девушка читала книгу, прислонившись к полке в отделе женских романов. Невысокая, смуглая, черноволосая, с короткой стрижкой. Лет двадцати пяти; может, чуть меньше. Южанка. Почему Хьюго обратил на нее внимание, когда шел из своего кабинета в отдел сельского хозяйства, чтобы снять с полки томик «Шорнгорской породы овец в XX веке» Вуда-Робертса? PDF-файл книги только что заказал профессор Берк из университета Фарго.

Было в позе девушки что-то странное, напряжение какое-то. Или показалось? Неважно. Женских романов Хьюго не читал и к любительницам Картленд и Стил относился настороженно – обычно это были дамы бальзаковского возраста, мало чего добившиеся в жизни, в том числе в любви, и удовлетворявшие собственные комплексы, переживая чужие страдания, чужие страсти и примеряя на себя чуждое для них отношение к жизни.

Сняв с полки том «Шорнгорской породы», Хьюго сдул с переплета ему одному видимые пылинки и направился к себе, чтобы занести выдачу в библиотечную карточку профессора и передать книгу в отдел копирования. Остаток дня Хьюго намерен был посвятить тестированию сети GLNS¹, к

¹ Global Library Net System.

которой библиотеку подключили сегодня утром, и о безграничных, по идее, возможностях которой не только читатели, но и многие сотрудники еще не имели ясного представления.

Проходя мимо отдела женской прозы, он обратил внимание: черноволосая девушка стояла в той же позе, что и пять минут назад, но книгу теперь держала очень близко к глазам, и Хьюго подумал: почему бы ей не носить очки при такой близорукости?

– Простите, могу я чем-нибудь помочь? – спросил он, полагая, что услышит обычное «Спасибо, все в порядке».

Девушка молча протянула книгу, которую Хьюго сначала взял в руки и лишь потом остро ощутил ее необычность.

– Странная книга, верно? – спросила девушка, когда Хьюго, осмотрев томик со всех сторон, раскрыл его посередине, обнаружив строки, составленные из непонятных значков, каждый из которых был размером с обычную букву кегля «митель».

Закрыв книгу, Хьюго еще раз внимательно ее рассмотрел, не обнаружив ничего, на что не обратил бы внимания с первого взгляда: стандартный размер покет-бука, толстенькая, страниц пятьсот, колонцифры отсутствуют, обложка полукarton, как и у прочих книжек такого формата. Ни названия, ни фамилии автора. Вообще ничего – белая обложка, матовая фабричная ламинация. Ни форзаца, ни авантитула, ни титульного листа – сразу под обложкой, на первой странице начинались строки, составленные из значков, вряд ли имев-

ших отношение к какому-нибудь известному языку (Хьюго был почему-то уверен, что не ошибается, и языка, буквы которого были бы похожи на миниатюрные лабиринты, не существует в природе).

Никаких выходных данных, сведений об авторе и копируйте – даже год выхода указан не был, будто книга возникла из безвременья.

Хьюго поднял взгляд, и девушка смущенно пожала плечами.

– Она стояла здесь, – девушка положила палец на шестую полку снизу, где располагались творения Барбары Картленд – между «В объятиях любви» и «Выше звезд».

Хьюго молча ждал продолжения, стараясь не смотреть девушке в глаза; он знал, как это раздражает, а молчание, наоборот, побуждает собеседника к продолжению – раз уж начал говорить, то рассказывай все, как было.

– Я не большая любительница женских романов, – произнесла девушка, будто оправдываясь, – просто сейчас лето, хочется отвлечься...

Может, она ждала, что Хьюго скажет: «Я вас понимаю, летом только Картленд и читать»? Но Хьюго молчал, и, похоже, девушка на него рассердилась: она не сделала ничего предосудительного, отчего библиотекарь стоит, как полицейский, глядя поверх ее головы и воображая невесть что?

– Кто-то, – сказала она, – наверно, поставил ее сюда по ошибке?

Книга была новой. Хьюго перелистал страницы – теперь медленнее, то и дело задерживаясь, чтобы рассмотреть странные значки-лабиринты, в которых взгляд утопал, зацепившись за какую-нибудь очень маленькую линию, возможно, ничего не значившую, а, может быть, как раз и определявшую значение той или иной буквы... или цифры?

Он пощупал бумагу. Обычная, восемьдесят граммов, по качеству точно такая же, на какой были напечатаны сотни книг, стоявших на полках – покет-буки обычно на такой бумаге и печатали: дешево и качество неплохое.

Поднеся книгу к носу, Хьюго понюхал корешок – обычная склейка книжных блоков. Обычная книга, нарочито обычная. Вот, он нашел нужное слово: нарочито обычная книга! Но странная, тем не менее, до такой степени, что выпустить книгу из рук Хьюго не согласился бы и за тысячу долларов, которые, конечно, никто ему не предложит, хотя в его запутанном хозяйстве деньги были бы совсем не лишними.

Раскрыв книгу посередине, Хьюго принялся внимательно разглядывать пиктограммы, отмечая мелкие, но ясно различимые отличия одного значка от другого. Если каждый знак соответствовал букве (какого алфавита?), то буквы были разными, а если это было пиктографическое письмо, то каждая пиктограмма имела, по-видимому, собственное значение.

Последняя страница (а может, первая?) оказалась заполнена наполовину, и концевая строка была не полной, обры-

ваясь посредине. Недоставало стоявшего отдельно от текста слова «Конец», здесь эту функцию мог бы выполнить знак, но его не было – текст (если это был текст) заканчивался, будто недописанное письмо.

– Вы уверены, что взяли книгу именно с этой полки? – спросил Хьюго.

Во взгляде девушки возникло сначала удивление, сменившееся иронией, и, наконец, насмешкой.

– Да, – сказала она коротко.

– Понятно, – протянул Хьюго, хотя ничего, конечно, не понимал на самом деле.

– Странная книга, – задумчиво произнесла девушка. – Одни значки, и все разные, хотя есть очень похожие.

– Все разные, – повторил Хьюго. – Вы успели...

– Что вы, – смутилась девушка. – Там их тысячи... Я говорю только о первой странице. Или последней? Не поймешь ведь, правда? У меня очень хорошая зрительная память. Я не хвастаюсь, просто это так и есть. Каждая пиктограмма хоть чем-то отличается от других.

Она помолчала и неожиданно добавила:

– Честное слово.

Хьюго улыбнулся. Девушка очень правильно говорила по-английски, так обычно говорят иностранцы, долго и тщательно изучавшие язык с учителем или по лингафонному курсу. Но акцент все равно выдает, акцент в речи девушки был очевиден, что-то южное, с довольно ощутимым растя-

гиванием гласных. И внешность тоже: иссиня-черные волосы, смуглое лицо, черные внимательные глаза, римский нос, Хьюго хорошо его разглядел, когда девушка повернулась к полкам, и он увидел ее профиль на фоне яркого окна. Испанка? Итальянка?

– Это не наша книга, – сказал он и, увидев мелькнувшее во взгляде девушки удивление, объяснил: – Не библиотечная, я имею в виду. Кто-то принес ее сюда и поставил.

– Вы думаете – я? – в голосе девушки слышалось такое неподдельное изумление, что Хьюго поспешил откrestиться:

– Нет, что вы, я совсем не... Просто хотел сказать, что...

Он окончательно смутился и замолчал, думая о том, как закончить разговор и уйти к себе, чтобы рассмотреть странную книгу более внимательно.

– Если это чья-то проделка, – продолжала девушка, – то очень странная, согласитесь. Изготовить такую книгу, если это не типографская печать, так трудно, что я даже не представляю...

– Вот и я о том же! – воскликнул Хьюго. – Слишком сложно для простой шутки, верно?

Девушка молча кивнула.

– Хорошо, – решил Хьюго. – Спасибо, что привлекли мое внимание.

Он повернулся и пошел, неся книгу в левой руке, ощущая ее приятную тяжесть и предвкушая, как потратит час, а, мо-

жет, два или три, разгадывая немудреную, скорее всего, загадку и думая о том, кому, на самом деле, пришла в голову нелепая, но привлекающая внимание шутка.

У порога кабинета он оглянулся – девушка вышла из-за полка и смотрела ему вслед, прислонившись теперь к подоконнику, и ее лицо, ярко освещенное послеполуденным солнцем, показалось Хьюго копией картины какого-то итальянского художника. Закрывая за собой дверь, он помахал девушке рукой – не той, в которой была книга, а другой, свободной. Девушка улыбнулась в ответ и что-то сказала, но он увидел только, как губы ее шевельнулись, а потом закрытая дверь отрезала Хьюго от мира и, как потом оказалось, от прошлой жизни, не очень интересной, но все же имевшей для него важное значение хотя бы потому, что в прежней жизни он не только родился и окончил библиотечное отделение филологического факультета в Гарварде, но еще и успел жениться, родить дочь Сюзанну, развестись и вот уже пятый год жить бобылем, надеясь на то, что будущее окажется привлекательнее прошлого, но не имея никаких оснований быть в этом хоть сколько-нибудь уверенным.

Хьюго медленно перелистывал страницы, взгляд не блуждал по строчкам, а систематически переходил с одной на другую, от верхней к нижней. В том, что книгу он держал не вверх ногами и правильно – слева направо – переворачивал страницы, Хьюго убедился по косвенным признакам: на последней странице оказалось пятнадцать полных строк и од-

на, заполненная наполовину. На всех страницах пиктограммы почти касались друг друга, между ними не было ни промежутков, по которым можно было бы выделить слово, ни знаков препинания, если, конечно, не считать, что роль такого знака могла играть соответствующая пиктограмма, но тогда они все-таки должны были повторяться с той или иной квазипериодичностью, чего Хьюго при всем старании не заметил.

По обычной своей дотошности Хьюго пересчитал страницы – их оказалось около пятисот пятидесяти, точное число назвать он не смог бы, поскольку не был уверен, что ни разу не ошибся при подсчете. Да и неважно. Пятьсот с лишним страниц – какому шутнику могло прийти в голову заполнять их маленькими картинками, не вызывающими никаких ассоциаций?

Каждая пиктограмма была похожа на миниатюрный лабиринт, но на самом деле таковым не являлась – тоненькие линии много раз пересекались и составляли скорее не лабиринт, а прямоугольный узор, линейную развертку, что-то, возможно, означавшую, а, возможно (даже, скорее всего) не означавшую ничего и придуманную только для того, чтобы заставить такого зануду, как Хьюго, просидеть в тишине битый час, разгадывая не существовавшую загадку.

Закрыв книгу, Хьюго вспомнил о «Шорнгорской породе», которую еще час назад должен был записать в электронную карту профессора Берка. Он поискал взглядом, не на-

шел книгу на столе и вспомнил, что, скорее всего, оставил ее на полке в отделе женского романа – не скорее всего, а наверняка, сомневаться не приходилось.

Хьюго положил книгу с пиктограммами в верхний ящик стола и пошел в книгохранилище, размышляя не столько о собственной забывчивости, сколько о том, застанет ли еще в отделе женского романа смуглую девушку, которую никогда прежде в библиотеке не видел.

Книга Вуда-Робертса действительно лежала на полке, будто поверженный враг, по ошибке забредший не на свою территорию. Девушки не было. Забрав книгу, Хьюго выглянул в читальный зал. Народу сегодня было немного – человек десять, в основном, студенты, готовившиеся к пересдаче экзамена. Сессия закончилась на прошлой неделе, но пересдачи продолжались до конца месяца, кое-кто из студентов хотел избавиться от задолженностей, прежде чем отправиться отдыхать – домой или в летнее путешествие с приятелями.

Девушки не было и в зале, и почему-то Хьюго испытал по этому поводу разочарование, не соразмерное, как ему показалось, с произошедшим событием. Ну, девушка. Ну, иностранка. И что? Каждый день библиотеку посещают десятки девушек, среди них и городские красавицы, и уродины, каких мало, но после того, как Джорди уехала из Фарго, забрав Сюзанну, после мучительного бракоразводного процесса, после бессмысленных скандалов, которых Хьюго хотел избежать, а Джорди намеренно провоцировала, чтобы вы-

звать у дочери отрицательные чувства к собственному отцу, – в общем, после всего, через что ему пришлось пройти в последние два года, Хьюго не то чтобы избегал женщин, но старался не завязывать с ними близких отношений.

Интересно, – подумал он, – какую книгу она читала? Он пробежал взглядом по полкам и обнаружил, что «В поисках любви» Барбары Картленд стоит, чуть выдвинувшись, будто предлагая себя для чтения. Привычным жестом Хьюго подравнивал ряд книг и, возвращаясь к себе, думал о том, что может представлять собой молодая женщина, пришедшая в библиотеку, чтобы посвятить час-другой чтению романа о «страстной любви, не знающей преград, и бездонной, как море». Именно такими фразами изъяснялись, как казалось Хьюго, не прочитавшему ни одного романа известной сочинительницы, ее квазилитературные персонажи.

Оформив заказ на копирование «Шорнгорской породы», Хьюго положил томик в поддон на краю стола – Фредди забереет книгу во время очередного обхода кабинетов и передаст в отдел копирования. Достав из ящика белую книгу, Хьюго еще раз перелистал ее, не очень приглядываясь к пиктограммам, – размышлял о том, кому понадобилась странная мистификация: явно типографская печать, профессиональный переплет. Чтобы изготовить такую подделку (подделку под что, кстати?), нужна не такая уж малая сумма. Скорее всего, мистификатор объявится – не сегодня, так завтра, такие люди не терпят анонимности, зачем-то же он принес книгу

в библиотеку, поставил на полку и, вполне возможно, сидя в общем зале, откуда были хорошо видны ряды полок с женскими романами, наблюдал за тем, как смуглая девушка взяла томик в руки... а потом подошел Хьюго...

Надо было посмотреть, кто сидел неподалеку в зале, огорченно подумал Хьюго. Возможно, странная история уже имела бы окончание.

До закрытия библиотеки он не думал больше о книге, лежащей на краю стола. Перевел из формата mp4 в более популярный формат avi телевизионный ролик, отснятый утром во время недолгого заседания попечительского совета, посвященного подключению компьютеров библиотеки к сети GLNS. Выступила миссис Аллен, директриса, которую Хьюго не любил за ее снобизм. Впрочем, сегодня начальница была не в пример прежним своим выступлениям немногословна, ограничившись поздравлением и словами о том, что теперь городская библиотека славного американского города Фарго становится равноправным членом всемирной библиотечной сети, что даст читателям возможности. Именно так – после слова «возможности» миссис Аллен поставила голосом жирную точку, не собираясь уточнять, в чем новые возможности состояли.

На самом деле сеть начала функционировать в половине второго, когда Хьюго вернулся после обеда и вспомнил о заказе профессора Берка. Джон Варгас, системный программист, нанятый попечительским советом специально для про-

ведения важного для библиотеки мероприятия, сказал, заглянув в кабинет: «Все работает, Хью, я только что прочитал криминальные новости из газеты «Сидней ньюс» за восьмое августа сорок шестого года прошлого века, вытащил из каталога Сиднейской библиотеки. Чушь собачья, скажу я тебе – что полвека назад, что сейчас, люди всегда попадались на крючок. Представляешь...»

Джон не прочь был рассказать об афере, которую провернули летом сорок шестого года безвестные мошенники из Австралии, но Хьюго нетерпеливо заявил, что старые криминальные хроники его не очень интересуют, а если точнее, то не интересуют вовсе, и если Джону нечего сказать по существу, то «извини, мне нужно работать».

Иначе от Джона было бы не избавиться – он любил длинные рассказы о своих победах, в чем бы эти победы ни заключались, и никогда не обижался, если его обрывали на середине. «О'кей, – говорил он, – доскажу после», но никогда не досказывал уже начатую историю, потому что в запасе у него всегда были две-три новые.

Перед тем, как отправиться домой, Хьюго проверил, как функционирует GLNS, не нашел отклонений по сравнению с краткими подключениями, когда еще на прошлой неделе Джон и его команда проверяли работу установленного программного обеспечения. Ради интереса Хьюго заглянул в каталог Библиотеки Конгресса, в отдел «Пиктографическое письмо», даже вывел на экран скан книги Бибера об основ-

ных элементах древних пиктограмм, но разбираться в деталях не было ни времени, ни желания, и, к тому же, видно было с первого взгляда, что значки в лежавшей на краю стола белой книге так же походили на вавилонскую клинопись, как подводная лодка на электровоз.

Хьюго выключил экран, положил белую книгу в рюкзачок, запер кабинет и направился к выходу мимо опустевшего читального зала, кафедры выдачи и висевших на стене в холле крикливых картин местного художника Ораса Монтегю. Автор подарил свои творения библиотеке в день открытия, поскольку продать их было невозможно, а здесь они, как представлялось членам попечительского совета, оказались на своем месте. На картинах, как утверждал автор, изображены были обычаи племен сиу, на землях которых сейчас располагалась не только библиотека, но и город Фарго, и штат Северная Дакота, а может, и весь Североамериканский континент, если верить необузданным претензиям старого Юмо, нынешнего президента Ассоциации индейских резерваций Соединенных Штатов.

Когда раздался трезвон, Хьюго не сразу понял, что это он стал виновником тревоги. Он направлялся к выходу, думая о том, пойти ли ужинать в «Бристоль» или сварганить дома омлет и поесть, читая Томаса Пинчона.

– Хью, послушайте! – нервный возглас Мета Фишера заставил Хьюго вернуться в реальность и обнаружить себя в центре всеобщего возбуждения. – Извините, но что-то у вас

звенит.

Звенеть у Хьюго не могло ничего, и он механически ответил:

– Мет, у вас в системе сбой. Не думаете ли вы, что я решил украсть книгу?

– Что вы... – если бы в холле было немного светлее, можно было бы, наверно, увидеть, как побледнело лицо чернокожего охранника. – Не могли бы вы положить сумку и пройти еще раз?

Хьюго пожал плечами.

– Вот видите, – удовлетворенно произнес Фишер, когда Хьюго, оставив рюкзачок на столе охранника, без проблем прошел зону контроля в обеих направлениях.

– Вижу – что? – с изрядной долей раздражения сказал Хьюго. – В сумке у меня ключи, чековые книжки, калькулятор, кошелек и больше ниче...

Да. Он совсем забыл. В рюкзачке лежала белая книга без названия, которая не могла принадлежать к библиотечному фонду.

– Позвольте, Мет, – Хьюго достал книгу, положил на стол и демонстративно помахал рюкзачком в зоне RFID-облучения². Тишина. Фишер взял книгу в руки и попытался объяснить неосторожные поступки библиотекаря:

– Наверно, по забывчивости положили книгу, мистер

² Radio Frequency Identification – радиочастотная идентификация, метод автоматической идентификации объектов.

Мюллер? Я как-то тоже...

– Это не библиотечная книга, Мет, – Хьюго не собирался сглаживать углы, ему нужна была ясность. – Проверьте по каталогу.

– Конечно, – охранник взглянул на экран, где должен был появиться библиотечный номер и выходные данные книги, обнаруженной у посетителя, собравшегося вынести из помещения библиотечную собственность. Фишер нажал несколько клавиш, после чего на экране возникла надпись: «Книга с указанным RFID-кодом в каталогах не значится».

– Что и требовалось доказать, – с удовлетворением произнес Хьюго.

– Тогда почему книга обработана, как книга фонда? – резонно спросил Фишер.

Действительно. Если книги нет в каталоге, то почему на ней радиометка, причем активированная? Для мистификации это, пожалуй, слишком. Да и кто смог бы пронести книгу в рабочее время в комнату обработки, где трудилась Доната Кауфман, относившаяся к каждой книге, как к собственному чаду, которых у нее было на сегодняшний день шестеро? Нужно было на глазах бдительной Донаты поднести книгу к аппарату... Такого никогда не случалось и случиться не могло, скорее солнце повернуло бы назад в своем движении по небу. К тому же, если бы кто-то сумел отвлечь внимание Донаты, аппарат все равно не поставил бы метки, не соответствовавшей занесенному в каталог названию.

– Может, Дона ошиблась? – осторожно сказал Фишер, качая головой, поскольку понимал, что ответ может быть только отрицательным. Хьюго и отвечать не стал.

– Вот что, – решил, наконец, охранник. – Извините, Хью, я оставлю книгу у себя в сейфе до утра, о'кей? Утром разберемся с миссис Кауфман. Может, она действительно забыла записать название...

– Которого у книги не существует, поглядите, Мет. Ни названия, ни других выходных данных. Такой книги не может быть в каталогах.

– Понимаю, Хью. Вы весь фонд знаете, как свои пять пальцев, я уверен, все так и есть.

– Значит...

– Но поймите меня – книга звенит? Звенит. Может, сбой в системе. Согласен. Но мы с вами в этом разобраться не можем, верно?

– Вы правы, Мет, – не стал спорить Хью. Бесполезно было спорить – Фишер делал то, что положено по инструкции. – Я хотел поработать с книгой дома, это очень странное издание, сами видите.

– Не сердитесь, Хью, что так вышло.

– Надеюсь, – сказал Хьюго, мрачно следя за тем, как охранник открыл сейф, утопленный в стене чуть ниже картины Монтегю с изображением то ли пьяного индейца, то ли трезвого марсианина, положил книгу на верхнюю полку и захлопнул дверцу, – надеюсь, утром вы обнаружите книгу

на прежнем месте.

– Вы думаете... – Фишер поднял брови. – Вы полагаете...

– Шучу, – быстро произнес Хьюго. – Просто это такая странная книга, что в голову приходят нелепые идеи. Ничего с ней, конечно, до утра не случится. Всего хорошего, Мет.

– Доброй ночи, мистер Мюллер, – довольно сухо отозвался Фишер и странным образом не заметил протянутой ему руки. Действительно, подумал Хьюго, выходя из здания библиотеки, вот так пожмешь руку человеку, а он окажется вором.

Если это все-таки мистификация, то очень-очень странная. Принести в библиотеку книгу и поставить на полку – это одно. И совсем другое – устроить так, чтобы на не зарегистрированной книге появилась библиотечная метка системы RFID. Очень странная мистификация. Если...

Если это мистификация. А если нет – то что?

* * *

Вечер был безнадежно испорчен. Омлет получился пережаренным – есть его можно было, но только потому, что готовить другой не было никакого желания. Как и выходить из дома – к вечеру на Фарго упала обычная июльская духота. Хьюго налил себе и выпил полстакана сухого «Кьянти», после чего у него обычно мозги прочищались так, будто он тряпкой протер все извилины, но на этот раз от вина забо-

лела голова, и он, потерпев с четверть часа, завершил ужин парой таблеток аспирина.

О чем бы Хьюго ни думал, мысли вяло, но упорно, сворачивали на заезженную колею, и он в сотый раз раскладывал незамысловатый пасьянс. Первое: книга без выходных данных, отпечатанная на обычной бумаге. Второе: неизвестный язык. Третье: книга принадлежит библиотечному фонду (имеется метка RFID) и не принадлежит ему (не занесена в каталоги). Четвертое...

Четвертым элементом пазла, без сомнения, была черноволосая черноглазая девушка, которая и привлекла внимание Хьюго к книге. Она выглядела такой непосредственной и, как он, удивленной, что Хьюго не подумал... нет, подумал, конечно, сразу же и подумал, но отогнал эту мысль и больше к ней не возвращался... да, не подумал о том, что она сама и принесла книгу, а потом сделала вид...

Как она поставила метку? Зашла к миссис Кауфман, отвлекла внимание? Чушь. Откуда посетительница могла знать, где расположена комната, в которой на книги ставятся библиотечные метки? Откуда было ей знать, как отвлечь миссис Кауфман, не любившую посторонних разговоров и посторонних людей в ее, как она выражалась, «лучезарной обители»?

Если только они не сговорились заранее... Хьюго попытался представить себе маленькую, но величественно-спокойную Дону Кауфман, библиотекаря с двадцатипятилетним

стажем, сговорившуюся с какой-то девицей... о чем? Зачем?

Не было не только ответов, сами вопросы выглядели бессмысленными.

Но девушка с черными блестящими глазами как-то была к этой истории причастна. Она стояла с книгой в руке, когда Хьюго проходил мимо. Она ждала, что он к ней обратится. Ей было интересно, он точно видел. Почему же она ушла? Не осталась в читальном зале дожидаться, когда Хьюго вернется, чтобы задать новые вопросы.

А он собирался? Нет, он сказал «Спасибо, что привлекли мое внимание к этой книге», повернулся и пошел, а она смотрела ему вслед, да, смотрела... но все равно не стала дожидаться. Почему?

Хьюго включил ноутбук и в ожидании, пока система загрузится, попытался представить себе девушку – как она стояла с книгой в руке и пыталась читать или делала вид специально для него, не могла же она в самом деле понимать смысл значков. Брови у нее, кстати, тоже иссиня-черные. А платье светлое, по контрасту, с блеклыми цветами... или это не цветы были? На что Хьюго не умел обращать внимание, так это на женскую одежду. Было ли на девушке платье или открытая кофточка с юбкой?

Теперь нужно ввести пароль... Хьюго вошел в библиотечную сеть GLNS, где с нынешнего утра барахталась и городская библиотека Фарго, прошел в знакомую ему «комнату» каталогов...

Хьюго не белую книгу искал, прекрасно понимая, что в каталоге этой книги (без автора, названия, предметной индексации!) быть не может. Он обратился к списочному каталогу читального зала, куда Инес (работавшая после обеда и до закрытия) заносила выданные для прочтения книги с указанием номера читательского билета.

Кто сегодня брал Барбару Картленд? Черноглазая девушка могла и не ходить с книгой в читальный зал, постояла у полки, прочитала пару абзацев из одного романа, пару – из другого, и ушла. Можно ее вычислить и в этом случае, у девушки есть читательский билет, предъявленный на входе. Да, обнаружить можно, но придется просмотреть сотни фиксаций – сколько сегодня было посетителей в читальном зале? В среднем ежедневно библиотеку посещали триста-триста пятьдесят человек, в дни сессии в университете – до восьмисот, летом число посетителей уменьшалось до ста-ста пятидесяти. Сегодня, скорее всего, столько и было.

Пожалуй, все билеты смотреть не придется. В четырнадцать двадцать три роман Барбары Картленд «Выше звезд» взяла некая Мария Барбьери и сдала сорок две минуты спустя. Мария – красивое имя, и девушке очень подходит. Барбьери. Действительно, итальянка? Хьюго вызвал на экран файл читательского билета, странно при этом себя ощущая, будто занимался недозволенным, двусмысленным, этически недопустимым, хотя процедура эта была более чем легитимна, в его обязанности входило время от времени произво-

дить аналитический обзор читательских предпочтений, вести статистику социальных срезов, а для этого он имел право (и пользовался им каждодневно) отбирать сведения, зафиксированные в читательских билетах. Там и не могло быть ничего сугубо личного. Имя, фамилия. Место и год рождения. Милан, 1985. Молодая. Впрочем, это с его точки зрения. Сама-то Мария наверняка считает себя старушкой – четверть века, а еще не замужем, в графе «семейное положение» крестик стоит у цифры 0. И не была замужем, иначе крестиком отмечена была бы цифра 3, обозначающая на человеческом языке «разведена». Как он, к примеру.

Приехала из Италии месяц назад, чтобы делать постдокторат на тему «Видоизменения религиозных воззрений индейцев сиу (дакота) в последней четверти XX века». Специальность – история религий.

Если судить по картам, вокруг Фарго расположены десятки индейских резерваций, а всего их в Северной Дакоте двести восемьдесят три. В Союзе исследования индейцев (IPS) любили точность, но что представляли собой так называемые резервации и так называемые индейцы, многие из которых и языка своего не знали, работали в Фарго на стройках или по уходу за больными и престарелыми, в общем, делали то, что в действительно больших городах приходится на долю иностранных рабочих? С одним индейцем сиу – Бредом Кэпотом – Хьюго был хорошо знаком: хороший парень, высокий, действительно краснокожий, с этим у него все бы-

ло в порядке, к его крови за много лет не прибавилось, кажется, ни одной «лишней» капли, а имя он сменил себе сам. Было у Бреда и родовое имя, которое он называл, если его очень об этом просили. Переводилось оно как «Орел, летящий над гнездом ласточки», и запомнить, как это звучит на языке сиу, Хьюго не мог – правда, не очень-то и старался. Бред приходил в библиотеку читать своего любимого Росса Макдональда – и, кстати, терпеть не мог Майн Рида и Купера. Не потому, что они ошибались, описывая обычаи индейцев. Не нравилось ему, как классики описывали природу. Не так ее видел Бред, совсем не так. И леса не такие, и озера. Однажды Бред прочитал Хьюго лекцию о том, как выглядит лес за рекой Нерой, и Хьюго поразился эмоциональной насыщенности описания, способности Кэпота скорее не словами, а жестами и интонацией передавать малейшие оттенки собственных впечатлений.

Интересно – что знал Бред о религиозных воззрениях своего племени? Смог бы он помочь итальянке в ее изысканиях? Хьюго не говорил с Кэпотом о религии и понятия не имел, верил ли Бред хоть в какого-нибудь бога. Статистика утверждала, что сиу в подавляющем большинстве приняли христианство, и многие усердно посещали местные англиканские храмы.

Адрес... Номер телефона. Телефон был указан только мобильный, значит, синьорина Барбьери снимает квартиру в не очень дорогом районе. Это и по адресу видно: Ночер-плаза.

Там, кстати, находится комплекс университетских общежитий.

Хьюго закрыл файл, вышел из системы и пожалел о том, что не отсканировал хотя бы одну страницу из белой книги. Хотел заняться этим дома, но вот ведь как получилось. Был бы скан, он сейчас смог бы сравнить узор книжной пиктограммы с картинками из интернета – сейчас, когда библиотека Фарго подсоединена к мировой системе, нет проблемы найти нужную информацию. Можно было бы послать картинку Бобу Ходжсону, старому приятелю, работавшему в Библиотеке Конгресса.

Отложим на завтра. Хьюго легко справился с желанием позвонить синьорине Барбьери и спросить, понравилось ли ей «Выше звезд». Глаза сами собой закрывались, и Хьюго очень быстро уснул под бормотание телевизионного комментатора. Проснулся он поздно ночью и, ничего толком не соображая, выключил телевизор и свет, стянул с себя пропавшую майку и на этот раз заснул по-настоящему.

* * *

Утро началось неудачно. Во-первых, Хьюго опоздал на пятнадцать минут, и не из-за пробок, которых сегодня не было по всей длине улицы Меншоу, а по более банальной причине: проспал. Во-вторых, когда Хьюго проводил своей карточкой по часам-идентификатору, его окликнул Базз

Хостер, охранник, работавший в утреннюю смену, и сказал, что по поводу вчерашней книги («кстати, что за книга, мистер Мюллер, я толком и не знаю о случившемся») Хьюго хочет видеть директор библиотеки Элизабет Аллен. Миссис Аллен была назначена три месяца назад, с прежним директором, Тимом Бирксом, у Хьюго были замечательные отношения, между ними ни разу не возникло не то чтобы конфликтной ситуации, но даже мелких производственных трений. Все нововведения, которые предлагал Хьюго в системе обслуживания читателей, Биркс принимал без возражений и сразу отдавал распоряжения сделать так, как рекомендовал руководитель исследовательского отдела. В апреле Биркс уехал в Финикс – прошел по конкурсу на должность директора в крупнейшей библиотеке Аризоны, и вместо него пришла миссис Аллен, женщина крупных габаритов и постбальзаковского возраста, жена профессора Аллена, ректора университета и председателя попечительского совета городской библиотеки. Прежде она работала в библиотеке университета, небольшой и даже среди студентов не очень популярной. В общем, понятно. О миссис Аллен говорили, что она неплохо разбирается в американской литературе XX века, а в остальном представляет собой пустое место.

С дурным предчувствием Хьюго поднялся на второй этаж и прошел в конец коридора, где дверь кабинета была распахнута настежь, и изнутри доносился громкий высокий голос неприятного тембра. Говорила миссис Аллен невнятно, ви-

димо, по телефону, прикрыв трубку ладонью. Хьюго посту-
чал по торцу двери, голос прервался и, после секундной пау-
зы, директриса сказала начальственным тоном: «Войдите!».

Хьюго вошел и увидел белую книгу, лежавшую в центре
директорского стола между плоским экраном компьютера
(слева) и вазой (справа), похожей на китайскую, в которой
стояли три огромные лилии.

– Садитесь, Эйч-Эм, – предложила миссис Аллен. – Что
за странная история с этой книгой?

Хьюго рассказал. Он не старался придать истории таин-
ственность, но и изображать случившееся, как очевидную
мистификацию, тоже не собирался.

– И вы решили вынести книгу из библиотеки? – неодоб-
рительно заключила миссис Аллен, глядя не на Хьюго, а ку-
да-то левее его головы. Там, у дальней стены, стоял плазмен-
ный телевизор с экраном в сорок два дюйма. Какая сейчас
шла передача? Звук, естественно, был выключен, но по вы-
ражению не столько лица, сколько взгляда директрисы, Хью-
го заключил, что, скорее всего, показывали ее мужа, ректора
университета, в фантастическом ролике о вручении ему Но-
белевской премии по физике. Оборачиваться, чтобы прове-
рить свое предположение, Хьюго, конечно, не стал, это было
бы неприлично, как неприлично показалось ему и подвер-
гать сомнению слова начальства, тем более, что фактически
они соответствовали действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.